

ПАРЛАМЕНТ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА

ЕВГЕНИЙ
ШАЛАШОВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Евгений Шалашов

Парламент Её Величества

«автор»

2015

Шалашов Е. В.

Парламент Её Величества / Е. В. Шалашов — «автор», 2015

ISBN 978-5-4444-1850-5

Эпоха правления Анны Иоанновны получила название «бироновщина». Историки до сих пор спорят – существовало ли засилье немцев при дворе императрицы или нет? Было бы лучше, если бы императрица приняла «Кондиции» – своего рода Конституцию, ограничивающую ее права? Что бы было, если бы в тридцатые годы осмнадцатого столетия в России появился парламент? И еще – а чтобы было, если бы у трона оказался человек иного склада, нежели Бирон? Не «рыцарь без страха и упрека», а просто – порядочный человек, насколько это возможно в ту эпоху.

ISBN 978-5-4444-1850-5

© Шалашов Е. В., 2015

© автор, 2015

Содержание

Императрица Анна Иоанновна без Бирона	5
Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	22
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Евгений Шалашов

Парламент Её Величества

Императрица Анна Иоанновна без Бирона

От автора

Десятилетняя эпоха правления Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) получила среди современников и потомков название «бироновщина». Историки до сих пор спорят – существовало ли засилье немцев при дворе императрицы или нет?¹ Было бы лучше, если бы императрица приняла «Кондиции» – своего рода Конституцию, ограничивающую ее права, как самодержицы? Впрочем, в России слова Конституция, еще не было, да и сам термин, обозначающий основной закон государства (Constitutio – от латинского, устанавливать), появился только в конце XVIII века. Из учебников истории мы знаем, что герцогиня Курляндская, став русской царицей, с наслаждением изорвала Кондиции и, к радости «простого народа» вновь установила абсолютную монархию.

Но кроме «соглашения» между императрицей и олигархами, существовали и другие проекты ограничения власти самодержавия, или, по крайней мере, попытка отделить законодательную власть от власти исполнительной. Что бы было, если бы в тридцатые годы осмнадцатого столетия в России появился парламент? И, вообще – возможно ли его появление?

Чем хорош формат художественного произведения, в отличие от научного, так это возможностью поговорить о том, «что бы было, если бы было». И еще – а чтобы было, если бы у трона оказался человек иного склада, нежели Бирон? Не «рыцарь без страха и упрека», а просто – порядочный человек, насколько это возможно в ту эпоху...

¹ Отсылаю читателей к работам известных историков по эпохе XVIII в. – Николая Ивановича Павленко, считающего, что засилье немцев было и Евгения Викторовича Анисимова, придерживающегося противоположной точки зрения. См.: Павленко Н.И. Анна Иоанновна (Немцы при дворе). – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 2002, Анисимова Е.В. Куда нам плыть? Россия после Петра Великого. – М.: АСТ: Астрель. 2010

Пролог

Январь 1711 года

В чистом поле, продуваемом морозными ветрами, тащатся два десятка возков и саней, закрытых холстом. Можно бы принять их за купеческий обоз, коих много ходит по зимнему времени, но вперемешку с санями неспешно ехали суровые драгуны, с заиндевелыми усами, с карабинами у седел. Не иначе, кому-то из сильных мира сего крупно повезло – государь Петр Алексеевич не стал лишать живота, а отправил с семейством и скарбом соболей считать.

С другой стороны, ежели ссыльные, то обозу бы следовало ехать на восток – на Вологду, или, упаси Господи, на Урал, а он претя на запад, где кроме Балтийского моря (ну, немцы с чухонцами, мызы да фермы еще попадаются), ничего путного нет.

В одном из возков дремала молодая женщина, закутанная в меха, с резкими – почти мужскими, чертами лица. Для удобства она привалилась к стенке, уперев ноги в скрюченную в три погибели карлицу, в овчинном полушубке и, огромном, не по размеру, крестьянском треухе. Внезапно возок тряхнуло и, рослая пробудилась от дремы.

– От, несуразные, – выругалась она и широко зевнула. Толкнув ногой карлицу, спросила: – Дунька, ты чё, спишь, что ли?

– Ой, не сплю матушка, не сплю, – запричитала та, пытаясь разогнуться и поправить треух, сползший на нос. – Какой уж тут сон, если сплошные колдобины?

– Ты ври, Дунька, да не завирайся, – хмыкнула хозяйка. – Так прямо и скажи – спала, мол, прости меня матушка. И колдобина всего одна встретилась. Какие колдобины, коль зима на дворе?

– Спала я, прости меня матушка, – покладисто отозвалась карлица, пытаясь ухватить хозяйскую ручку. Ухватив, звонко зачмокала губами, словно петушка сосала.

– Ладно, – опять широко зевнула хозяйка. Оторвав руку от губ карлицы, вытерла слюни о мех. Перекрестив рот, велела:

– Спой-ка мне чё-нить такое, грустное...

– Щас-щас матушка-государыня, – закивала Дунька. Поерзав, пытаясь устроиться поудобнее, встала на коленки, поправила треух, сползший на глаза и тоненьким голосочком запела жалостливую:

– Не давай меня дядюшка царь-государь Петр Алексеевич,
во чужую землю нехристианскую, да бусурманскую,
Выдавай меня, царь-государь мой, за сваго, да за генерала,
аль за князь-боярина...

– Хватит, дура! – резко остановила хозяйка свою уродицу. – И так тошно, а ты еще слёзы выжимаешь! – Спohватившись, грозно спросила. – Ты где, дура набитая, песню-то эту услышала?

– Ой, матушка-царевна, не виноватая я! – заголосила Дунька, уткнувшись носом в коленки хозяйки. – Услышала песню в людской, у государыни-царицы Прасковьи Федоровны. А кто ее пел – не помню, врать не буду!

– Дунька, чтобы я таких песен больше не слышала! – прикрикнула хозяйка. – Услышу, сама тебя в Преображенский приказ оттащу.

– Ой, матушка, ой, Анна Ивановна, прости меня дуру грешную, коли в чем провинилась! – причитала карлица. – Лучше ты сама меня чем хошь побей, токмо в приказ Преображенский не тапшы!

– Скажи спасибо, что мы уже из России уехали, – усмехнулась Анна Ивановна. – Иначе, точно бы тебя в Преображенский приказ увели. Да еще и меня бы прихватили.

Анна Ивановна, хотя и не блистала большим умом, но и дурой никогда не была. Песню эту она уже и сама слыхала, но слыхала и то, что за эту песню в Преображенском приказе шкуру кнутом обдерут. Ну, ей-то, царевне, а теперь уже герцогине, может, шкуру-то драть и не станут, но палкой дядюшка-государь попотчует. Петр Алексеевич ее уже однажды попотчевал, когда попыталась отказаться от жениха – хилого и жалкого замухрышку Фридриха Вильгельма, напоминавшего в свои полные семнадцать лет четырнадцатилетнего подростка. И она, ровесница жениха, выглядевшая как зрелая женщина лет двадцати пяти. Одно у него за душой и было – герцогский титул. А само герцогство Курляндское, коим он управлял вместе с опекуном, кто только не захватывал – вначале, шведы, а потом – саксонцы с русскими. Сам Фридрих Вильгельм, из семнадцати лет жизни, семь провел в изгнании, в Гданьске, где делил с дядюшкой-опекуном черствую корку, запивая ее колодезной водой. Может, юный герцог Курляндский и не стремился жениться на православной девице, да кто его спрашивать станет? Герцогство Курляндское – это не наследный удел, а сам титул – выборный, как в Польше. Кто кого пересилит, тот и круль. У дядюшки-опекуна одна надежда заполучить герцогство обратно – удачно женить племянника, присовокупив к праву на герцогский престол русские штыки и царские деньги.

Анне было немного досадно, что матушка – царица Прасковья, вдова единокровного брата Петра Алексеевича, выдала замуж за Фридриха Вильгельма не старшую дочь, Екатерину Ивановну, а ее, среднюю.

«Конечно, – растравливая еще детские обиды на матушку, подумала Анна. – Как Катька, так Катюшка-свет, а как я – так Анька-дура!»

Но долго обижаться на маменьку Анна не могла. Привыкла, что матушка из всех своих дочек, любит ее меньше других.

Вот и тогда, получила палкой от дядюшки, да оплеуху от матушки, поплакала вечер да ночь, а наутро, подойдя к зеркалу, вздохнула. Подумала – а может, так оно и лучше? Ведь раньше-то, царским девкам была лишь одна дорога – в монастырь. А если и не в монастырь, так все равно, мужа найти трудненько. Вон, тетушка Наталья, родная сестра Петра Алексеевича, ни мужа найти не может, ни аманата. Одна у нее радость – комедии ставить. Смотрела как-то Анна комедию о святой Екатерине. Чудно как-то. Ну, бродят по сцене мужики да бабы, одетые в хламиды, говорят непонятное. Уж коли публику тешить, так лучше бы песни пели, или плясали.

Анна задумалась. А ведь пожалуй – она первая будет, кто из царских дочерей замуж пойдет. Будет свой дом, муж, а там и дети пойдут. Царевна уже перестала смотреть на Фридриха Вильгельма, как на чудо гороховое и пугало огородное, придумав, что оденет его по-людски, а не в обноски и откормит, как следует. Вроде бы, уже и любить начала. И Петра Алексеевича упросила, чтобы жениху деньжат подкинул, для свадебной одежды. Тот лишь похмыкал, сказав, что денег жениху он и без того отвалил немало – целых двести тысяч талеров за племянницу дал, хотя она, дура страшная, медной копейки не стоит². Вот, пусть Фридрих Вильгельм на эти деньги теперь и жирует.

А потом была свадьба. Венчались в новом храме во имя Сампсония Странноприимца, в котором еще не выветрился запах свежего дерева³. Венчальные короны над головами новобрачных держал сам царь и Александр Данилович Меншиков. После венчания все отправились в шлюпках в Меншиковский дворец. Всех удивили два свадебных пирога – огромных, будто башни! А когда дядюшка-государь Петр Алексеевич, вытащив кортик, собственноручно их

² На самом деле Петр Алексеевич дал в приданое только сорок тысяч. Еще сто шестьдесят тысяч герцогу Курляндскому дали в долг, чтобы выкупить из залога поместья и привести в порядок замок в Митаве.

³ В день памяти Сампсония Странноприимца – 27 июня 1709 года, была одержана победа в Полтавской битве. В 1728 году началась перестройка деревянной церкви в каменный собор, но из-за недостатка средств строительство часто замораживалось и было доведено до конца лишь в 1740 году.

разрезал, гости изумились еще больше – из пирогов выскочили по карлице, разодетых в шелк и жемчуга! А потом, гуляли еще две недели. Но самое интересное было еще впереди. Государь Петр Алексеевич, в честь свадьбы племянницы, затеял еще и свадьбу своего карлика с карлицей. Уж не сорок ли пар карлов и карлиц было на свадьбе? И обычные, как все люди и уродцы всякие – с толстыми животами, кривыми ногами. У одного башка была шире плеч – умора! Все у них было, как у больших – короны венчальные, столы-стулья, только маленькие. Потешил дядюшка-государь!

Все было бы совсем хорошо, только одно плохо. И это одно перевешивало все хорошее. То ли, наголодался Фридрих Вильгельм в изгнании, то ли русская водка оказалась крепкая. Ел он в два горла, а пил – во все четыре! В первую брачную ночь невеста не дождалась жениха. Заснул, бедный герцог за столом, да под стол и упал. Ну, дело привычное, не один герцог Курляндский под столом был – много гостей там собралось. Анна даже и вздохнула с облегчением. Хотя и ждала перехода в женственность, а все равно – страшно! Но потом – и во вторую ночь не дождалась, и в третью и в четвертую... Только спустя неделю явился молодой супруг свой долг исполнять, но так поперек кровати и заснул, даже штаны снять не смог. После еще одной недели ожиданий и слез, молодая жена плюнула, понадеявшись, что когда из России уедут, то поотвыкнет ее супруг от русских пооек, да вспомнит о долге супружеском. Спустя месяц после свадьбы, Анне было уже противно смотреть на своего супруга. Вечно пьяный, вонючий. Приходя к супруге, дышал перегаром и падал в постель. Храпел, мешая спать, а иной раз был не в состоянии подняться с постели, чтобы сходить по малой надобности. Анне пришлось уходить ночевать к прислуге, чтобы не спать на мокром и противном белье... Думала пожаловаться дядюшке-государю, но побоялась. Петр Алексеевич, поржет во все горло, а потом – с него станется, заставит герцога супружеские обязанности выполнять в своем присутствии. Может, в присутствии дядюшки-то и ладно – все-таки царь, но дядюшка в опочивальню еще и гостей приведет...

То, что в Митаве герцог станет лучше, Анна уже не верила. Уж коли начал пить, так будет пить и дальше. Понагляделась она на все эти пьянки-гулянки, пока во дворце при Петре Алексеевиче жила. И что ей делать в этой Митаве, в Курляндии, с пьяным муженьком? Знала, что по брачному договору, должен ей супруг на карманные расходы выдавать по десять тыщ талеров в год – бешеные денжышшы! – но знала и то (недавно, от лакеев), что негде герцогу такие деньги взять. Поместья разорены, чухонцы податей не плотят. Как и жить-то? Приданое, что дядюшка за нее дал, пропьет ведь, зараза такая...

В размышлениях и воспоминаниях Анна Ивановна не заметила, как вновь задремала. А что еще делать в дороге? Но проспала недолго. Проснулась, оттого, что возок остановился. Пересилив лень, крикнула:

– Микитка, чё там стряслось-от?

– Не знаю, государыня-царевна, – отозвался из-за войлочной стенки ямщик. – Передние встали, так и я встал.

– Дунька, – толкнула хозяйка карлицу ногой, – опять спишь, тюхля полоротая? Я те поплю! Ну-ка, сбегай-ка, узнай, чё там случилось. Да Микитке скажи – как выйду, так в рожу ему и дам. Герцогиня я, не царевна. Государь-дядюшка узнает, шкуру спустит за такое обращение.

Карлица зашевелилась, пытаясь подобрать полы полушубка, слегка замешкалась, чем привела в ярость царевну-герцогиню:

– Телиться-то долго будешь? Я те потелюсь!

Девка что-то там залепетала в оправдание, но тем еще больше разгневала хозяйку. Герцогиня стащила с карлицы трех и, приоткрыв дверцу, выкинула ее наружу, оставив у себя полушубок. Хотя в возок задувало ветром, но царевна не могла удержаться, чтобы не посмот-

реть на презабавное зрелище – как карлица выкарабкивается из сугроба, а потом, проваливаясь по самую грудь, бредет по глубокому снегу. Смешно!

Отсмеявшись и отерев выступившие слезы, герцогиня прикрыла дверцу и, зябко поежившись, плотнее укрылась мехами. Подумав, набросила сверху полушубок карлицы.

Ждать пришлось долго. В дверцу возка застучали, а когда царевна открыла, увидела драгуна, с офицерским шарфом под распахнутой епанчой и с карлицей поперек седла.

– Беда, ваше высочество! Супруг ваш, герцог Фридрих помер! – доложил офицер.

– Умер-таки... – вздохнула царевна без особого удивления. Кивнула на карлицу: – Дурищу-то мою давай обратно.

Пока драгун запихивал в возок замерзшую Дуньку, царевна пробормотала себе под нос:

– Ну, кто его дурака немецкого просил с самим дядюшкой-государем напоследок водку хлестать? Мало ему, что пил без продоху два месяца, так еще и с дядюшкой решил померяться... Петр Лексеич таких Фридрихов десятерых перепьет. – Посмотрев на драгунского офицера, хмыкнула: – И тебе, Вельяминов, не след было герцога в дороге поить. Видел же, худой он совсем.

– Так я его и не поил! – обиделся драгун. – Его уже в возок грузили, аки бревно. А мы ему вчера лишь пару чарок всего и поднесли, чтобы головенку поправить. Он весь день проспал и всю ночь. А утром, как проснулся, опять заныл – битте, русиш шнапс! А где я ему шнапс найду, коли парни мои второй день на холоде? Самим мало. Думали, до мызы доедем – там постоянный двор есть, там и запасы пополним. Вон ведь, как вышло-то... Непохмелили герцога Курляндского, а он взял, да и помер. Чё делать-то?

– Чё делать? Снять штаны и бегать! – огрызнулась женщина, не до конца осознавшая, что стала вдовой. – Вели разворачиваться, да обратно ехать, в Петербурх.

– Как в Петербург? – обомлел драгунский офицер. – Мне же велено вас в Митаву доставить. Анна Ивановна, так мне ж государь голову оторвет...

– В Петербурх! – твердо сказала молодая вдова. – Что мне в энтой Митаве делать, коли герцог Курляндский помер?

– А с немцами что делать? Они вон, возле возка герцогского собрались, галдят.

– До Курляндии-то сколько еще ехать? Неделю, не мене? А до Петербурха – два дня. Вертаемся, а там уж как дядюшка-государь решит. Велит мне в Митаву ехать, супруга хоронить, так тому и быть. А не то – пушай немцы своего герцога сами и везут. Не прокиснет, чай, на морозе-то!

– Понял, – уныло кивнул офицер, собираясь разворачивать коня.

– Погоди-ка, Вельяминов, – остановила его Анна Ивановна. – Говоришь, на мызе постоянный двор есть? Давай-ка, дотуда вначале доедем, пообедаем, а потом в Петербурх.

Когда драгун уехал, Анна Ивановна пихнула носком валенка карлицу:

– Ну, дурища, отогрелась?

– С-пп-си-бббо матушка, – постукивая зубами отозвалась Дунька.

– Вот так-то вот, дура дурацкая, без шубейки-то бегать! – развеселилась царевна. – Ниче, скоро домой вернемся, в палаты теплые, к матушке. А в Курляндиях этих, там пусть курвы живут.

Глава первая

Оспа и любовь минует лишь немногих...

В ночь с 18 на 19 января 1730 г. Москва

Сколько миллионов жизней унесла оспа, никто доподлинно не ведает. Наверное, если сложить все смерти, случившиеся от Адама, то «черная» смерть будет стоять на втором месте, после насильственной. Ей все равно, кто перед ней – безымянный раб или Марк Аврелий, портовая шлюха или Людовик XV, шведский военнопленный или цесаревич Петр Петрович. А коли кому-то удавалось выздороветь, то он оставался на всю жизнь либо слепым, либо обезображенным.

В восемнадцатом веке, поименованном историками как эпоха Просвещения, оспа была самым обыденным делом. В Лондоне, трое из пяти горожан, несли на лице и теле страшные отметины. Редкая из версальских дам, не обезображенная болезнью, считалась красавицей, имея девяносто шансов из ста оказаться в постели короля. Те, кому повезло меньше, пытались закрыть оспины черными мушками.

В России, далекой от куртуазных изысков, страшную болезнь именовали попросту – Африкановной⁴ и норовили поцеловаться с больным, рассуждая, что все равно болеть, а коли заболеешь, так выхода только два – либо, поправишься, либо, помрешь. Но чаще всего, умирали.

В двух верстах от Москвы, в имперской резиденции, отстроенной когда-то Петром Великим для разлюбезного друга Франца Лефорта, не спали уже несколько ночей. Слуги валились с ног, отливая друг друга водой, а знатные господа отпаивались крепчайшим кофе.

На широкой кровати, из лучших пород красного дерева, устеленной пуховыми перинами, на мокрых от пота простынях, умирал четырнадцатилетний юноша, почти подросток. Будь он крестьянским парнем, всё ограничилось бы плачем матери, да вздохом отца, прикидывавшем – нарушить ли запрет покойного государя Петра Алексеича, похоронив-таки пацаненка в домовине или, сколачивать гроб из досок? В купеческой, или дворянской семье, к стенанию родственников добавлялось опасение – не перекинется ли страшная болезнь на прочих чад и домочадцев?

Тут дело иное. Умиравший мальчик (к слову, его покойная матушка, пережившая болезнь, была отмечена оспинами) являлся правителем огромной страны. Более того, с несчастного внука Великого деда, пресекалась прямая линия Романовых. И, потому, в преддверии неминуемой смерти государя, неподалеку от спальни императора, за длинным столом сидело семь пожилых мужчин. Младшему далеко за пятьдесят, а старшему, за семьдесят. Четверо носило фамилию Долгоруковых, двое – Голицыных. Седьмой, Головкин, канцлер империи, хотя не был ни Рюриковичем, ни Гедиминовичем, вел свою родословную от древнего боярского рода, не чета всяким-разным безродным выскочкам, вроде Ягужинского с Макаровым или Шафиров с Девиером, не говоря уже о Меншикове (тьфу-тьфу, не к ночи быть помянут!).

Судя по мундирам, обильно изукрашенных золотой каймой, синим и красным «кавалериям», это была верхушка русской аристократии – сенаторы и генерал-фельдмаршалы. Шестеро из присутствующих носили княжеский титул, один – графский. Кроме того, все они были членами Верховного тайного совета⁵. Не хватало еще одного «верховника», имевшего титул барона – редкого и, намекавшее на иноземное происхождение его обладателя.

⁴ Считалось, что оспа приходит из Африки, хотя ее родиной является Китай.

⁵ Верховный тайный совет – высшее совещательное государственное учреждение, созданное императрицей Екатериной I.

Сидевшие изрядно устали и не ели со вчерашнего дня. От камина, сложенного когда-то в угоду либер камрада Франца, толку мало, да и поленья там почти прогорели. Позвать истопника, чтобы тот подкинул свежих дровишек, опасались – везде и всюду уши! – а вставать самим было неприлично.

В залу, едва не выломив дверь, ввалился молодой мужчина, в расстегнутом генеральском мундире и голубой орденской ленте, съехавшей куда-то на живот. Словно бы, исчерпав все силы, генерал упал на колени и зарыдал. Подняв толстошее породистое лицо, выдал из себя:

– Государь-император представился. Помер, Петруша-то наш...

Сидевшие за столом переглянулись и, не соизволив встать, осенили себя крестным знамением. Самый старший, граф Головкин, с приличествующей тоской в голосе сказал: «Господь дал – Господь взял! Все под Богом ходим» и забормотал под нос «Отче наш», а остальные присоединились к молитве.

– Эх, грехи наши тяжкие, – вздохнул один из «верховников» – князь Алексей Григорьевич Долгоруков, сенатор и гофмейстер, воспитатель императора Петра. Посмотрев на распростертого генерала, приходившегося ему родным сыном, нарочито грубо сказал: – Ты, Ванька, сопли-то приberi. Знали ведь, что помирает государь, чё уж теперь реветь? Ты нам лучше скажи – подписал государь духовную, али нет?

– Да уж, какая духовная, – поднялся с колен Иван Долгоруков. Вытащив из кармана огромный носовой платок, гулко высморкался и вытер слезы. – Я ж с ним все дни находился. Государь-от, то в жар, то в холод кидался, бредил. А щас вот, перед тем как отойти, сказал: «Коней запрягайте, к сестрице в гости поеду!»

Вельможи заерзали, качая париками, заахали – старшая сестрица императора Наталья, уже полтора года как пребывала в усыпальнице Вознесенского собора, неподалеку от нелюбимой сестры Петра Великого – царевны Софьи.

– Катька-то где? – поинтересовался Алексей Григорьевич.

– Катерина Алексеевна, – поправил его двоюродный брат, князь Василий Лукич.

– Для кого – Катерина Алексеевна, а для меня, дочь родная, Катька, – отмахнулся Алексей Григорьевич.

Василий Лукич, полжизни посвятивший дипломатии, снисходительно улыбнулся:

– Ты, Алексей Григорьевич, дочь Екатерину Алексеевну один раз Катькой по-свойски назовешь, другой раз назовешь, в третий, а там, глядя на тебя и остальные будут ее Катькой звать. А Катерина Алексеевна, как ты помнишь, Ее Высочество Государыня-невеста. Надобно, чтобы к ней со всем уважением относились.

– Ах ты, совсем из головы вылетело! – насмешливо стукнул себя по лбу Алексей Григорьевич. – Иван Алексеевич, сукин ты сын – где дочь моя, Её Высочество Государыня-невеста?

– Катька, то есть, Катерина Алексеевна, у тела покойного императора причитать изволит, – шмыгнул носом Долгоруков-младший.

– Бедная девочка, – искренне вздохнул генерал-фельдмаршал Дмитрий Михайлович Голицын, а сидевший напротив него другой фельдмаршал, из Долгоруковых, Василий Владимирович, печально вымолвил:

– А ведь сегодня свадьбу должны были играть... Не к добру, корона-то слетела⁶.

– Ваньк, а кто там еще у государева тела? – поинтересовался отец, лукаво посмотрев на вздыхающих родичей.

Реально был правящим органом в 1726–1730 гг.

⁶ Во время помолвки императора Петра и княжны Долгоруковой с крыши кареты невесты сорвалась корона и упала в грязь.

Иван, сосредоточенно нахмурил густые брови, силясь припомнить, кто уже подошел попрощаться. Понятное дело, что спрашивают его не о дворцовых холопах или гвардейских офицерах, а о сильных людях.

– Видел я там князя Трубецкого, Ивана Юрьевича, – начал перечислять Иван. – Ягужинский стоял. Вроде, из попов только владыка Феофан прибыл.

– Может, стоит и их к нам позвать? – спросил Василий Лукич. – Все-таки, князь Иван – генерал-фельдмаршал, а владыка Феофан, первенствующий член Синода. Все попы у него чуть ли не с рук едят⁷.

Предложение Василия Лукича не нашло одобрения.

– Владыка Феофан, он закон престолонаследия нарушил, – с чувством произнес князь Алексей Григорьевич. – После смерти Петра Алексеевича, императора нашего, супругу его незаконную, Катю, на престол благословил, в обход внука законного, царевича Петра.

– Фельдмаршал Трубецкой! – фыркнул генерал-фельдмаршал Долгоруков. – Воевода запечный... Князь Иван осмнадцать лет в плену у шведа просидел, а генерал-фельдмаршала с «кавалерией» отхватил.

Еще два фельдмаршала, сидевшие за столом – братья Голицыны ничего не сказали. Старший, Дмитрий Михайлович, из-за природной сдержанности, а младший, Михаил Михайлович-старший⁸, из уважения к брату. Однако же, защищать Трубецкого не стали. В отличие от князя Ивана, получившего высшее воинское звание невесть за какие заслуги, братья Голицыны с Василием Владимировичем Долгоруком свои жезлы заработали честно.

– А Ягужинский? Павел Иванович, хоть и не генерал-прокурор нынче, но все равно – сенатор и генерал-аншеф, – спросил Василий Лукич, посмотрев на канцлера. Верно, не хотелось бывалому дипломату брать ответственность только на Верховный совет.

– Павла Ивановича мы потом позовем, когда сами все порешаем, – высказал свое мнение канцлер Головкин, которому Ягужинский доводился зятем. – Он, малый честный, но очень уж на язык не сдержан. Да и пьян он, скорее всего.

– Пьян, – кивнул Иван Долгоруков. – Когда в залу входил, меня по матушке обозвал. Мол – что же ты, сукин кот, Ванька, за императором худо глядел?

Долгоруковы дружно скривились. То, что Иван, приставленный отцом к Петру, смотрел за государем худо, было чистейшей правдой. Вместо государственных дел, таскал его по гулящим бабам, вином поил. А уж на охоте, в которой юный император души не чаял, Ванька был ему первейший помощник. Зато – пока молодой Долгоруков развлекал царя, старшие правили...

– А ты чего? – нахмурился отец. – От какого-то худородного Ягужинского, органиста литовского, хулу стерпел? Да Ягужинский-то этот...

– Кхе-кхе, – предостерегающе кашлянул дипломат Василий Лукич, косясь на канцлера. Как-никак, князь Алексей начал охаивать его родного зятя.

– Так не буду же я при покойнике драться, – принялся оправдываться Иван, а фельдмаршал Долгоруков густо заржал:

– Пашка Ягужинский – это тебе не Никитка Трубецкой. Ягужинский сам кого хошь из окна выкинет.

– Да я... – начал заводиться Иван, но был остановлен старшими.

– Не надобно щас старое ворошить, – опасливо косясь на канцлера Головкина сказал дипломат Василий Лукич.

⁷ Напомню, что в те времена, слово «поп» не имело оскорбительного оттенка, который оно приобрело благодаря А.С. Пушкину.

⁸ Именно так! У Дмитрия Михайловича Голицына была два младших брата – Михаил Михайлович-старший и Михаил Михайлович-младший. По свидетельству современников, Михаил Михайлович-старший был одним из лучших полководцев эпохи.

Генерал-фельдмаршал Долгоруков прикусил язык, в который раз коря себя за болтливость. История-то препаскудная. Ванька, сукин сын, жил с любовницей едва ли не на глазах у ее мужа – генерал-интенданта Никиты Юрьевича Трубецкого. И, мало этого, так повадился наезжать и бить князя, а однажды, чуть не выкинул рогоносца в окно. А тот лишь терпел и плакал тайком. А куда денешься? Фаворит государя, как-никак! Начнешь ругаться, мигом в ссылке окажешься. Ванька, правда, как с Наташкой Шереметевой познакомился, остепенился, свадьбу собрался играть, но Никита Юрьевич, как и прочие Трубецкие, такого не забудут! Да и канцлеру, графу Головкину, о Ванькиной выходке лучше лишний раз не напоминать. Как-никак, неверная супруга Никиты Трубецкого, Анастасия Гавриловна, доводилась Гавриилу Ивановичу младшей дочерью. Покамест канцлер числился союзником Долгоруких и Голицыных и, стало быть, сумеет повлиять на своих зятьев, а как он себя дальше поведет?

Гавриила Иванович, старый и мудрый, сделал вид, что ничего не слышал и перевел разговор на другое:

– Иван Алексеевич, а ты барона Остермана не видел?

– На носилках несли. Говорят, болен совсем, – доложил Долгоруков-младший.

– Вот ведь, немец хитрожопый! – стукнул кулаком по столу фельдмаршал Долгоруков, заработав укоризненные взгляды от родственников. – Всегда так. Как чего важное решать, так он в кусты. Сума переметная – и вашим и нашим.

– Звал я его, – сумрачно сказал Алексей Григорьевич. – А он говорит – я, мол, иностранец, а такие дела русские должны решать.

– Ишь ты, иностранец хренов! – опять не сдержался фельдмаршал Долгоруков. – Как проект сочинить, чтобы тетку с племянником окрутить – так он здоров⁹, а как дело важное решить, так болен.

– Ну, нет, так нет. Без вице-канцлера все решим, – сказал Алексей Григорьевич, опасаясь, что фельдмаршал сейчас начнет орать, привлекая ненужное внимание. Посмотрев на сына, качнул париком на дверь: – Иван Алексеевич, давай-ка, ступай себе с Богом. Ты ж у нас обер-камергер, тебе о похоронах заботиться надо. Мы тут, посоветуемся чуток, да и придем. Поможем, подскажем.

Генерал Долгоруков, чтя традиции даже в такой нелегкий миг, по-старинному, поклонился старшим в пояс и подошел к двери.

– Иван, стой-ка, – остановил его старый фельдмаршал Долгоруков. – Ты за гробом-то уже послал?

– Шас, людишек отряжу, – сообщил Иван.

– Ты, Иван Алексеевич, вели, чтобы сразу два гроба делали. Один поменьше, другой побольше. Да благовоний, каких-нить, пушай положит. Побольше, да попахучее. Ну, гробовщику-то чего объяснять, сам все знает...

Иван, только недоуменно пожал плечами, не понимая – зачем нужно два гроба, но переспрашивать не стал. Два, так два. Дядьке виднее, он старый, сколько похорон повидал на своем веку – не счесть. А пожилые вельможи лишь горестно закивали. Они-то знали, что, после смерти от оспы тело течет на следующий же день. А уж запах будет! Смерти-то все равно – царь ты, али подлый мужик. Будь то простой человек, закопали бы, как положено, на третий день, а императору надобно недельку-другую выстоятся, пока высокородные да шляхта с телом простятся, да и подлый народ подтянется. Ну да, зима нынче, постоит гроб где-нить в холодке...

⁹ После смерти императрицы Екатерины I, когда возник спор между представителями старой и новой аристократии – кого возвести на престол, вице-канцлер предлагал компромиссный вариант – женить внука Петра Великого, двенадцатилетнего Петра, за которым стояла старая знать – Долгорукие, Голицыны, Салтыковы и пр., на дочери Петра I, восемнадцатилетней Елизавете, которую поддерживали «худородные» – Меншиков, Ягужинский и др. Такой вариант прошел бы в «просвещенной» Европе, но не на Руси.

– Иван, дровишек подкинь, уважь стариков, – не то, попросил, не то, приказал Алексей Григорьевич, а сын не посмел ослушаться. Пачкая генеральский мундир щепками, набрал дров и вывалил их в топку. Не поленившись, присел и, вооружившись кочергой, принялся шуровать в угаасающих углях до тех пор, пока пламя не взметнулось вверх.

– Ну, спасибо Иван Алексеевич, уважил! – поблагодарил фельдмаршал Долгоруков, а потом, пожав плечами, сказал: – И какой дурак энти камины придумал? Ни тепла от них нет, ни пирогов не испечь. Пока задницу греешь, перед мерзнет. Перед погрел – зад замерз!

Разговор о каминах прочие вельможи не поддержали. Какая разница, кто придумал? До каминов ли сейчас? Тепло стало, так и ладно.

Иван Долгоруков, отряхнув мундир и, приведя в порядок орденскую ленту, озабоченно шлепал себя по карманам, начал расстегивать пуговики на мундире.

– Чё ищешь-то? – поинтересовался отец.

– Да крест польский куда-то подевался! Ах ты, мать твою за ногу! – выругался молодой Долгоруков и ринулся к камину.

Разгребая горевшие поленья кочергой, вытащил из огня орден, ухватился за него и, завопив благим матом, уронил раскаленное золото с эмалью на пол.

– Эх, Ванька, как ты был дураком, так дураком и остался, – в сердцах выговорил отец. – Ну, кто ж за горячее-то хватается? Вона – щипцы же стоят! К стеклу пальцы-то приложи, легче станет.

Пока бестолковый генерал прикладывал пальцы к ледяному стеклу, канцлер Головкин, погладив собственный орден «Белого орла», скривил старческие губы в брезгливой улыбке. Гаврила Иванович получил сей крест вслед за Петром Алексеевичем, опередив даже вездесущего Алексашку Меншикова. А Ваньке Долгорукову курфюрст Саксонский и король Польский Август прислал запросто так, чтобы сделать приятное фавориту русского царя...

Когда молодой Иван Долгоруков вышел, взгляды вельмож – сочувственно-злорадные скрестились на Алексее Григорьевиче. Вчера тот был отцом царской невесты и батюшкой ближайшего фаворита государя, непутевого Ваньки, ставшего в девятнадцать лет генералом, в двадцать один – майором Преображенского полка, а сегодня, не пойми кто... Но все-таки, сочувствия было больше. Пока был Алексей Григорыч в милости, были в милости и остальные.

– Господа, давайте-ка, ближе к делу, – заговорил молчавший допреж Михаил Владимирович Долгоруков, губернатор Сибири.

Михаил Владимирович – родной брат фельдмаршала и двоюродник всех прочих Долгоруковых, приехал на свадьбу любимой племянницы и был спешно возведен родичами в состав Верховного тайного совета. В свое время он помог бежать за границу царевичу Алексею, пережил арест, следствие, чудом остался жив и теперь пытался сторониться всяческих интриг и заговоров. Сибирскому губернатору, хоть он и тяготился своей службой-ссылкой, вдруг захотелось оказаться в Тобольске, подальше от первопрестольной. В отличие от прочих, он знал, что окромя Тобольска (неплохой городок, жить можно!) есть еще и Минусинский острог, Якутск и Камчатка. А то и такие места отыщутся, коих и на карте не узреть.

Сибирского губернатора поддержал генерал-фельдмаршал Долгоруков, являвшийся, в числе прочего, командиром Преображенского полка:

– Верно Владимирович сказал. Не знаю, как у вас, а у меня хлопот полон рот. Нужно караулы в Москве выставлять. А не то, как бы беспорядков не случилось. Черни-то, только повод дай. Перепьются, сволочи безродные, да половину города спалят.

– Спалят, так спалят, – отмахнулся Алексей Григорьевич. – На то губернатор Московский есть, чтоб не спалили. А коли спалят, так не в первый раз. Отстроят. А тут, дело важнее не бывает. Решать надобно, кто править нами станет.

– Надо, – грустно кивнул фельдмаршал, вспомнив, что он не только военный, но и политик, от слов которого зависит судьба империи.

– Ну так вот, господа члены Верховного тайного совета, – сказал Алексей Григорьевич, обводя глазами родичей и соратников. Победно улыбнувшись, князь полез во внутренний карман кафтана, вытащил оттуда лист бумаги и положил его на стол. – Вот, господа, прочтите сей документ!

– Что это? – подслеповато прищурился канцлер.

– Духовная грамота государя нашего, Петра Второго, в которой он власть и корону своему преемнику завещал!

– Духовная? – удивился канцлер. – Ты ж сына только что спрашивал – подписал государь духовную, али нет, а Иван отвечал, что не до того было. Откуда бумага взялась?

– Да это другая грамотка, – заюлил Алексей Григорьевич. – Я Ивану другую духовную давал. Думал, что государь мне земельки еще нарежет. А эту Петр Алексеевич еще третьего дни подписал, пока в памяти был.

– Хм... – покачал головой Головкин, но далее уличать не стал, а лишь кивнул. – Ну, коли достал, так и прочти.

Алексей Григорьевич развернул бумагу и принялся читать, стараясь говорить торжественно и чинно, аки диакон с амвона:

– Божиею поспешествующею милостию, мы, Петр Второй, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский и великий князь Смоленский...

Князь Долгоруков читал долго, не забыв упомянуть в титуле, что государь есть князь Удорский, Обдорский, Кондийский, о которых присутствующие и не ведали и того, что он есть повелитель и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследный государь и обладатель.

При титуловании вельможи сидели тихо и чинно. Императорский титул – это не шутка. Но вот концовка документа вызвала гневный ропот.

– Императорский титул – невесте государевой? – вскинулся сибирский губернатор Михаил Владимирович. – Ты что, князь Алексей, ополоумел?

Фельдмаршал же Долгоруков выразился по-солдатски:

– Алексей Григорыч, ты что за херню читаешь? Катьку – в царицы?

За Алексея Гавриловича вступился дипломат Василий Лукич:

– Согласно указа о престолонаследии, кой, как вам известно, покойный Петр Алексеевич издал, правящий государь своею волей может любого наследника назначить. Стало быть, что мы имеем? А имеем мы законное завещание, согласно которого невеста государя становится его наследницей.

– Василий Лукич, ты ж, вроде, не дурак какой, бревном ушибленный, – сказал фельдмаршал Долгоруков. – Мы же с тобой и с Алексеем Григорычем вчера о том толковали. Добро бы еще, Катюха жена законная была, а то – невеста.

– Так вчера, Василий Владимирович, духовная сия была еще не подписана, – лукаво улыбнулся дипломат. – А сегодня, вишь, подпись царская.

– Ты, Василь Лукич, турусы на колесах не разводи, – хмуро ответил фельдмаршал. – Духовную, как я знаю, братец Алексея писал, князь Сергей, а подписал ее Ванька ваш. Хвастался он, что умеет подписывать не хуже Петра.

– Дайте-ка сюда, – сказал канцлер, протягивая руку за документом.

Заполучив завещание, Гавриил Иванович, придвинул к себе подсвечник и вытащил из изящного позолоченного футляра новомодное изобретение, подаренное ему голландским посланником – два зрительных стёклышка на серебряной рукоятке. Князь Василий Лукич – модник версальский, хваставшийся на днях очками от самого Бьена, парижского ювелира, завистливо крикнул. Очки, хоть их алмазами обсыпь, все равно очками останутся! Кого ими удивишь? А тут...

Приставив стекла к глазам, канцлер принялся внимательно изучать документ. Закончив, бросил бумагу на стол. Убирая прибор для чтения в футляр, брезгливо скривился:

– Похожа подпись-то на государеву, да не государем писана...

Алексей Григорьевич покраснел и задышал, словно больная собака, а дипломат, невинно улыбаясь, сказал:

– Ну так, Гавриил Иванович, кто о том знать-то будет?

Вместо канцлера ответил фельдмаршал Долгоруков.

– Я тебе, Василь Лукичи вчера говорил, да и сегодня о том скажу – буде даже не поддельная подпись, а настоящая, не примут нашу Катьку в царицы.

– Да кто помешает-то? – попытался настоять на своем Василий Лукич. – Алексашка Меншиков, вор кондовый, выскочка, преображенцев к окнам подвел, да шлюху чухонскую, Катьку-портомойку царицей сделал. А мы чем хуже? Ты, Василий Владимирович, командир Преображенского полка, а Иван Алексеевич – майор у Семеновского. Гвардейцев выведете, да и вся недолга!

– Василий Лукич, умная ты голова, а дела не знаешь, – вздохнул фельдмаршал, едва сдержавшись, чтобы не сказать что-нибудь матерное. – Катька-портомойка была у государя Петра Алексеевича супругой венчаной, императрицей коронованной. Опять-таки, она и в пир с государем шла, и в походы ходила. А в Прутском походе, когда нас турок со всех сторон окружил, Катька-царица свои драгоценности отдала, чтобы визиря подкупить. Да ее уже тогда все матушкой величали! Да за нее бы любой солдат нас на штыки поднял! А наша, Катерина, что? Сопли токо-тока вытирать научилась. Невеста без места... Да меня мои же гвардейцы пополам разорвут, если услышат.

– Разорвут, – кивнул его брат, сибирский губернатор. – И всех остальных порвут, кто рот откроет.

Василий Лукич, не получив одобрения у своих родственников, обернулся к братьям Голицыным.

– Дмитрий Михайлович, Михаил Михайлович, а вы что скажете? Вы ж, генерал-фельдмаршалы! Михал Михалыч скажет – вся гвардия за ним побежит.

– Я за него скажу, а брат со мной согласится, – начал Голицын-старший, даже не обернувшись в сторону младшего брата, – что прав Василий Владимирович. Не пойдут за Катериной гвардейцы. И гвардейцы не пойдут, да и я с братьями не пойду. Стала бы Катерина законной женой, костями бы легли за нее, а так, за царицу-невесту, да еще по подложному завещанию. Так, Михаил?

– Так, Дмитрий Михайлович, истинно так, – подскочил младший брат, не робевший ни под шведскими или под турецкими пулями, и даже под грозными окриками самого Петра Великого.

– Вот ведь, как ты старшего-то братца слушаешься! – вскипел Алексей Григорьевич. – А сам – то – ни слова, ни речи. Словно, своей головы у тебя нет. А ты же по чинам-званиям постарше Дмитрия Михалыча будешь. Ты ж, президент Военной коллегии.

– А к чему мне речи-то произносить? – отозвался Голицын-младший, вставая с места. – Речи произносить я не велик любитель... Брат мой старший, он все сказал.

Алексей Григорьевич попытался что-то сказать, вскинул голову, но упершись взглядом во взор Михаила Михайловича, поник.

– Ты, Алексей Григорьевич, меня давно знаешь, – продолжил Голицын-младший. – Ежели, мы дочь твою в императрицы произведем – бесчестно поступим. А бесчестно меня поступить никто не заставит. Посему, как Президент Военной коллегии, как генерал-фельдмаршал и, как солдат, говорю – не будет этого!

Михаил Михайлович Голицын говорил негромко и очень спокойно. Но от его голоса даже у старшего брата – патриарха всего рода Голицыных, поползли мурашки по коже. Вот

таким же голосом Михаил командовал гвардией при Лесной и Полтаве, отдавал приказы галерному флоту при Гренгаме. Говорят, Голицын лишь однажды повысил голос – при штурме Шлиссельбурга¹⁰.

После слов Голицына-младшего стало ясно, что Катерина Алексеевна Долгорукова, русской царицей не станет.

Михаил Владимирович, сибирский губернатор, подвел итог разговору:

– Ты, вот что, Алексей Григорьевич... Возьми эту бумаженцию, да в огонь кинь, пока никто не видел. А не то – не то, что люди, воробы заохочут. Ну а мы, будем считать, что ничего не видели и не слышали. Верно, господа? – Все дружно склонили парики, а губернатор добавил: – И Ваньке, то есть, Ивану Алексеевичу накажи, чтобы язык за зубами держал. Индо, случись чего, за такое дело можно и головы лишиться...

– И что теперь? – спросил Алексей Григорьевич.

– Думать надо, – хмуро отозвался канцлер, подавляя зевок.

Ночь перетекла в черно-белое утро. Во дворце уже шла обычная кутерьма, связанная с похоронами. Благо, за последние пять лет, это были третьи. И хотя Петр Великий умер в Санкт-Петербурге, а государыня Екатерина – в Царском селе, придворные и прислуга были все те же самые и каждый, от камергеров с камер-юнкерами, до кухонных мужиков с дворовыми девками, прекрасно знали, что надобно делать: кому ехать рубать еловый лапник, кому занавешивать зеркала, кому закупать провизию в таком количестве, чтобы хватило на поминки, а кому следить за прибывшими для прощания с телом. Конечно, во дворец имели доступ только самые знатные персоны, но после их визитов недоставало каких-то мелочей. Вона, после похорон Петра Великого пропали голландские расписные тарелки, а после Екатерины – дорогие серебряные вилки, выписанные за огромные деньги из Испании.

Но мимо дверей, за которыми заседали «верховники», слуги проходили на цыпочках.

Господа члены Верховного тайного совета так и сидели в особой зале, рассуждая, кому же теперь править? От усталости канцлер Головкин заснул, уронив голову на стол, а сибирский губернатор дремал, пытаясь делать вид, что не спит. От нехватки сна всем страшно хотелось есть. Алексей Григорьевич, на правах неофициального хозяина дворца и, без пяти минут государева тестя (хоть и бывшего, понятное дело), сходил на кухню. Зареванные кухарки (этим-то дурам, чего реветь?), понятное дело, завтрак сготовить не спроворили.

Алексей Григорьевич распорядился, чтобы в особую комнату отнесли хотя бы соленых огурцов, ветчины, да сыра со вчерашним хлебом и большой котелок с водой. Кофий можно сварить и прямо в камине! Ах ты, господи! А кофий-то чуть не забыл!

Сенатор суетился. Хотелось хоть как-то сгладить давешнюю неловкость. Обидно, конечно, что дочку в царицы не удалось пропихнуть, но и без Катки чё-нить придумать можно.

Торопливость к добру не привела. Вытаскивая из шкапчика кулек с молотыми зернами, уронил его на пол и рассыпал. Горестно повздыхал, глядя на коричневую пыль (эко, рубля на два, не меньше!), рывкнул на подвернувшуюся кухарку, метнувшуюся с веником и, забрав остатки дорогого удовольствия, затрусил в залу для заседаний.

Когда подходил к дверям, вспомнил, что забыл взять посуду. Пришлось возвращаться на кухню, опять отдавать распоряжения. Подумав, велел отнести в залу пару бутылок водки. Ну, не мальвазию же с хересом пить за упокой государя?

Убедившись, что все нужное принесено, Алексей Григорьевич выгнал холопов и заложил дверь на тяжелый засов, чтобы главных людей России не потревожила какая-нибудь мелкая сошка.

¹⁰ Когда гонец привез ему приказ об отступлении от стен города. Князь, командовавший штурмом, ответил, пытаясь перекричать пушечный залпы: «Скажи Государю, что я теперь принадлежу одному Богу!». Голицын повел людей на штурм и крепость была взята.

Перекусив и слегка выпив, господа «верховники» повеселели. Даже канцлер, хлебнув кофия, взбодрился и продолжил разговор:

– Так что, господа, кого на царство-то будем звать? Или, как в старину, Земский собор созовем?

– Не как в старину получится, а как в Польше, – проворчал фельдмаршал Долгоруков. – Соберется шляхта – рвань да срань всякая, зачнет орать. Нет уж, самим надобно выбрать.

– Может, царицу Евдокию Федоровну – старицу Елену, на трон посадим? – предложил сибирский губернатор. – Как-никак, законная супруга Петра Алексеича, древнего рода, не чета бывшей портомойке. А, Гариил Иванович, как считаешь? А то, что иночество приняла, так ничего страшного. Клобук-то, не гвоздями к голове прибит. Да и в монашки ее упекли помимо воли. Архиереи, вроде Феофана нашего, враз докажут, что покойный император ради блуда законную жену в обитель посадил.

– Может, оно бы и неплохо, – пожал плечами канцлер. – Только, старица-то худа совсем. Еле-еле душа в теле. Захочет ли? А коли захочет, что толку? Год-два поправит, а помрет потом, опять царя или царицу искать? Нет, надобно, что правитель надолго сел.

Все присутствующие закивали, а Головкин продолжал рассуждать:

– Кто там у нас следующий-то? По мужеской линии, идет у нас внук Петра Алексеича, через дочь его, Анну Петровну, Царствие ей Небесное. Как там его? Карл или Пётр?

– Полностью – Карл Петер Ульрих, герцог Гольштейн – Готторский¹¹, – сообщил Василь Лукич.

– Мать твою, Карл Петер Ульрих, да еще и Гольштейн какой-то там. Так просто и не выговоришь, а выговоришь, язык сломаешь, – чуть не сплюнул фельдмаршал Долгоруков.

– Так, Карла Петера недолго в Петра окрестить, – пожал плечами дипломат. – Будет у нас император Петр Третий. А по малолетству, регента ему толкового назначим.

– Сколько лет-то ему, Карлу Петеру? Не то два, не то – три? – задумчиво изрек Алексей Григорьевич. – Стало быть, пригласим его, а вместе с ним батюшка его пожалует, Карл Фридрих. А ведь пожалует. Тем паче, что он с нами в равном чине – член Верховного тайного совета. Крови-то он попортил тогда.

– Спасибо, Алексашке. Хоть сволочь изрядная, но хоть одно доброе дело сделал – немца выжил, – вставил фельдмаршал Долгоруков.

«Верховники» засопели. Не забыли еще, как после свадьбы любимой дочери Петровой – Анны с герцогом Карлом Фридрихом, приходившемуся племянником шведскому королю Карлу XII, одного Карлу выгнать не могли. Верно, метил свою супругу в наследницы¹². И Катька-портомойка ему благоволила – сделала генералом и членом Верховного тайного совета. И только после смерти императрицы, Алексашка Меншиков, мечтавший женить малолетнего государя на своей дочери, сумел-таки выгнать Карла Фридриха с молодой женой...

Князь Михаил Михайлович Голицын с тревогой посмотрел на старшего брата. Не огорчился бы, Дмитрий Михалыч... У него, у сердешного, были причины немецкого герцога недолюбливать. Семь лет назад, когда был еще жив император Петр Великий, попал князь Дмитрий в опалу. И так попал, что не домашним арестом, а ссылкой или эшафотом могло закончиться. Не хотелось идти, а пришлось. И пришлось потомку Великого князя Литовского Гедимины, Катьке-портомойке, шлюхе обозной, в ножки кланяться. Да так кланяться, что синяк потом со лба не сходил. А что делать? Лучше, на турка или шведа в атаку идти, в бою погибнуть, чем в ссылку ехать. А герцог, каналья этакая, – еще и не зять был, а Анькин жених, без стука к императрице вошел, да такую картину и увидел. Ну, увидел бы и увидел, с кем не бывает? Так

¹¹ Будущий русский император Петр III.

¹² Есть версия, что сам Петр Великий хотел сделать своей наследницей старшую дочь – Анну Петровну. В отличие от младшей, Елизаветы, не блиставшей ученостью, Анна была образованной женщиной, говорила на нескольких иностранных языках. Умерла вскорости после родов, не дожив и до двадцати лет.

нет же, потом, пока в России жил, смотрел на князя и, пакостно ухмылялся, да еще и болтал об этом, кому ни попадя. Будь это кто другой, согнули б его Голицыны в бараний рог, а тут...

Но герцог Шлезвинг-Голштинский не у одного Голицына в печенках сидел. Долгоруковы тоже от него натерпелись.

– Нет уж, господа, – твердо сказал сибирский губернатор. – Отродьев портомойки – младенца ли, с немцем-папашей, без папаши ли, или Лизку-распутницу, к престолу и близко подпускать нельзя. Так?

«Истинно так!», «Верно речешь!», «Не бывать выблядкам на русском престоле!» – заголосили Долгоруковы, а Голицыны, в знак согласия, только склонили парики.

Общее решение высказал канцлер:

– Пусть Карл Петер Ульрих в немецких землях сидит, а Лизка – Елизавета Петровна, – поправился Головкин, – пребывает в прежнем состоянии. Пущай, на охоту ездит, по ассамблеям с кавалерами скачет.

– С кавалерами скачет! Это они на ней скачут! Справная кобыленка, круглая... – сочно заржал фельдмаршал Долгоруков.

Долгорукова никто не поддержал. Не из уважения к дочери Петра Великого – было бы кого уважать! – а из-за серьезности собрания. Дела важные, государственные и, неча туда какую-то Лизку приплетать. Только, дипломат Василь Лукич, по привычке, обретенной в Версале, изящно приподнял правую бровь – мол, если и знаем, да не скажем!

Наступило неловкое молчание. Вельможи поджимали губы, кто-то начал покусывать локон парика. Наконец, со своего стула встал Дмитрий Михайлович Голицын.

– Что же, господа, – обвел он взглядом присутствующих, кивком усадил обратно вскочившего с места младшего брата, – коли династия от Петра Алексеевича пресеклась, то надобно подумать о другой линии. Хочу сказать, что хоть о мёртвых-то худо не говорят, а уж о государях, в Бозе опочивших – тем паче, но напомнить хочу, что всем был хорош Петр Алексеевич, токмо, поперли при нем из всех щелей худородные. Алексашка Меншиков – мурло безродное, сын конюха светлейшим князем стал, генерала выслужил, орденов – ажн пять штук. Алешка Макаров – подьячий сын, тайным советником стал. Шафиров – еврей крещеный, президентом коммерц-коллегии. А сколько штаб и обер офицеров из подлого народа вышло?

О генерале Ягужинском князь говорить не стал из уважения к канцлеру Головкину. Присутствующие недоуменно переглянулись. О чем это Голицын-старший? Может, себя на царство собрался предложить? Дмитрий Михайлович, тем временем, продолжил:

– Ветвь Романовых, от Петра Алексеевича ведущая, пресеклась. А я о линии царя Ивана Алексеича хочу сказать. Он же, таким же царем законным был, аки Петр Алексеевич. Неужто забыли? А ведь государь Иоанн Алексеевич, по матери-то из Милославских будет. А уж они-то повыше сидели, чем Нарышкины худородные.

И, впрямь. Об Иване Алексеевиче, занимавшем трон до тыща шестьсот девяносто шестого года от Рождества Христова, все позабыли. Даже, не величали его, как царей и духовных лиц – Иоанном, а называли просто, царь Иван. Ну, сидел иногда царь Иван на троне, но большей частью коликами да головой маялся. Случай один холопы рассказывали – пошел как-то соправитель туда, куда и цари своими ногами ходят, а кто-то дверь подпер. Так и просидел целый день в нужнике, пока холопы не спохватились. Девоч, правда, царь исправно делал. Что ни год – то новая дочка. Выжили, конечно, не все, но трое до сих пор живы-здоровы. Поговаривали, что помогал в этом деле Ивану стольник его, Васька Юшков, но свечку никто не держал...

– Ты, князь Дмитрий, о ком толковать станешь? – осторожно поинтересовался Алексей Григорьевич Долгоруков. – Три дочери у царя Ивана.

– Три дочери, – кивнул князь Голицын. – Младшая, Прасковья Ивановна, что за генералом Иваном Дмитриевым-Мамоновым замужем, так она вся в батюшку покойного – больная да

и умом недалекая. К тому ж, супруг ее, хоть и Рюрикович, но не князь. Негоже, чтобы царица мужа имела, ниже себя. Старшая дочь, Екатерина Ивановна, герцогиня Мекленбургская, что в Измайловском проживает, во дворце отеческом.

– А чего она там-то? – удивился сибирский губернатор, давно не навещавший столицы.

– Так от мужа сбежала, – походя пояснил Дмитрий Михайлович. – Супруг у нее, Карл Леопольд, ее смертным боем бил. Он же, на Катерине женился, чтобы дядюшка – Петр Алексеевич, ему деньгами помог, а государь наш, как знаете, деньгами сорить не любил. Вот, герцог обиды свои на Катерине и вымещал. А она вместе с дочерью, к матушке под крылышко и прибежала. Была бы Екатерина Ивановна вдовой – цены б ей не было. И царица подходящая, наследница при ней. Двенадцать лет девке. Крещена, правда, лютеранкой. Элиза-Катерина-Христиана. Но это не беда. Можно ведь и перекрестить. Будет, Елизаветой Карловной. Или – Елизаветой Леопольдовной.

– Нет уж, не надо Елизаветой, одна Лизка уже есть, – заметил сибирский губернатор.

Голицын спорить не стал:

– Тогда, Анной Леопольдовной. Одно плохо, герцог Карл Макленбургский, как узнает, что супруга его царицей станет, так к нам и прискачет.

– Сказка, про белого бычка, – вздохнул фельдмаршал Долгоруков. – Туда-сюда, а вновь на немца-карла напорешься.

– Правильно, князь Василий, – кивнул Дмитрий Михайлович. – Не надо нам немцев. Их и так развелось столько, что солить можно! Посему, в царицы надобно среднюю дочь Ивана Алексеевича позвать, герцогиню Курляндскую, Анну Ивановну. Виноват – Анну Иоанновну. Мнится мне, что во всем она нам подходит. Роду доброго. Отец – венчанный царь Московский и государь Всея Руси. Матушка – покойная Прасковья Федоровна, из рода бояр Салтыковых. А Салтыковы, всем нам, коли не в родственниках, так в свойственниках имеются. Опять-таки – вдовая она, Анна Иоанновна. Мужа-нахлебника за собой не притащит. Мы с братьями и родом своим – за Анну Иоанновну!

«Верховники», а лучше их сейчас называть по старинке – князья-бояре призадумались. А ведь дело князь Дмитрий говорит. Анна Иоанновна, после смерти супруга, вернулась домой, но долго при матушке не насидела. Дядюшка, Петр Алексеевич, обратно велел ехать, да и сидеть в Митаве. А с дядюшкой не поспоришь! Почти двадцать лет в Митаве сидит, воет, деньги у родичей просит. Позвать ее на царство, будет благодарна сверх меры! Смущало только одно обстоятельство...

– Все бы ничего, да боюсь я, не пошла ли она в породу салтыковскую? – выразил общее опасение губернатор Сибири.

Сидевшие вельможи переглянулись и многозначительно закивали. Хотя они собственно-ручно пролили столько крови – на добрую роту солдат хватит, до жестокости Салтыковых им было далеко. Чего стоила царица Прасковья, отправившая слуг своих в Тайную канцелярию, а потом, приходившая в казематы? Заместо ката била кнутом, подпаливала волосы. А однажды, так разошлась, что охнул выдавший виды Ушаков. А братец ейный, Василь Федорыч? Дворня у него говорила – что ежели, за день зубы не выбили или руку-ногу не сломали, так за счастье! Да что про холопов говорить, если, жене своей законной, урожденной княжне Долгоруковой, неодинажды ребра ломал?

– Так уж хуже, чем при государе Петре Великом не будет, – усмехнулся князь Дмитрий Голицын. – Нешто, дубинку государеву не помните?

При упоминании о палке Петра, у князей заныли разные части тела – у кого спина, у кого ребра, а у кого и все сразу. Даже у Михал Михалыча, коего Петр Алексеевич чрезмерно уважал – даже Кубок Большого Орла не велел наливать! – заломило нижнюю челюсть: увидел как-то государь Всея Руси, как полковник Голицын зубами мается, мигом за клещи зубодерные ухватился, да зуб коренной напрочь и вытащил. А зуб здоровым оказался! Надежа-государь

не растерялся, да и второй вытащил... Две недели, если не больше, полковник с распухшей рожей ходил. А боль была такая, что непьющий князь водкой лечился.

Михаил Владимирович Долгоруков, запустив ладонь под парик (цирюльник, коли голову бреет, постоянно бритвой «царские» шрамы срезает, собака этакая!), только вздохнул:

– Хуже, чем при Петре Алексеиче, уж и некуда...

Дмитрий Михайлович, внимательно оглядел сидевших соратников и настойчиво спросил:

– Ну так, что, господа, все согласны? Будем Анну Иоанновну на царство звать? Как, Гавриила Иванович? – обратился князь к канцлеру, как к самому старшему, а когда тот кивнул и сказал «Да!», перевел взгляд на сибирского губернатора.

Михаил Владимирович уже открыл рот, как в дверь застучали.

– Ждите! – рявкнул Голицын-старший.

Но за дверью не унимались – барабанили все настойчивей и настойчивей. Решив дать окорот наглецу позже, Голицын продолжал опрос и все присутствующие, кроме Алексея Григорьевича сказали свое «Да!». Незадачливый тесть царя лишь буркнул: «Я – как все!»

«Верховники» встали и, по обычаю, заведенному государем Петром, прокричали:

– Виват Анна! Виват! Виват!

А дверь, между тем, уже принялась ходить ходуном под ударами.

– Да кто там такой! – разозлился фельдмаршал Долгоруков. – Я его, сукина сына!

Схватив трость, Василий Владимирович отомкнул засов и, открыв дверь, не глядя ударил по невысокой фигуре в проеме...

Ударил, но не попал. Вице-канцлер Остерман – а это был он, каким-то чудом проскользнул под тростью и, как ни в чем не бывало заскочил в комнату, начиная орать громче остальных:

– Виват царица Анна! Виват!

– Выздоровел, немец-то хитрожопый, – покачал головой фельдмаршал, с сожалением глядя на трость. – Вовремя-то как...

Глава вторая

Сирота Курляндская

24 января 1730 года. Герцогство Курляндия. Митава

Резиденция герцогов Курляндских – двухэтажный каменный сарай, обнесенный стеной, с четырьмя полуразвалившимися башнями. Только по недоразумению его называли дворцом. Возможно, во времена Герхарда Кетлера – первого герцога Курляндии и последнего магистра Ливонского ордена, он и был таковым. Теперь в башнях обитали совы, ссорясь с летучими мышами. Кордегардия разобрана, а на крепостной стене, поросшей кустарником, паслись вездесущие козы. Ладно бы просто объедали листву – нехай, так они своими острыми копытцами расшатывали и без того обветшавший кирпич, обрушивая целые куски.

Немногочисленная прислуга пыталась бороться с этой напастью, но все было бесполезно – рогатые животные просто забирались повыше и гнусно блеяли, помахивая бородами. С хозяевами нагих тварей спрашивать было бесполезно – чухонцы, проживавшие в окрестностях замка, делали вид, что не понимают ни по-русски, ни по-немецки. Пороть чужих холопов нельзя, а других способов воздействия не было. Однажды Анна не выдержала и разрядила мушкет в одну из козочек. Зверюшка, после недолгой агонии, была разделана, зажарена и подана на стол. Раздосадованный хозяин долго орал по-немецки, матерился по-русски и даже пытался подать жалобу в магистрат, но там отказали. Как-никак, частная собственность. С тех пор крестьяне присматривали за своей живностью, а возле стен постоянно околачивались мальчишки, отгоняя коз от стен.

Половина окон «дворца» была забита досками еще в Великую Северную войну, после штурма Митавы армией генерал-фельдмаршала Шереметева, а другая половина затянута промасленной бумагой. Дневной свет бумага не пропускала, зато позволяла сквознякам гулять по коридорам, шевеля обветшавшие гобелены, изображавшие охоты и боевые подвиги герцогов Курляндии.

Анне иногда казалось, что ветры дуют прямо с Балтийского моря, до которого было больше ста верст. Залетают же сюда чайки. На чаек трудно охотиться – слишком невероятные пируэты они выделывают, но для хорошего стрелка (а герцогиня Курляндская была хорошим стрелком!), это не было помехой. Интереснее было охотиться на ворон – пока они каркали, снижаясь над телом погибшей товарки, можно было успеть разрядить все три мушкета, разнося крикунов на перья и рваное мясо. Будь у нее их хотя бы пять, было бы гораздо забавнее! Но для покупки ружей, требовались деньги!

И опять, герцогиня Анна, правительница Курляндии проснулась с мыслями о деньгах. Опять деньги... Кому бы из родственников написать, чтобы подкинули хотя бы десять тысяч талеров? Не своих, разумеется, а из казны. Но писать, вроде бы, некому. Юный царь Петр умер, а с его наследником до сих пор не понятно.

Лучше всего было, пока была жива тетушка-государыня. Еще при живом дядюшке Петре, она могла уговорить мужа прислать курляндской сиротке денег или оплатить долги. Петр Алексеевич, хоть и матерился, но деньги давал.

Как всегда, при воспоминании о покойном дядюшке, Анну затрясло. Вспомнилось его любимое развлечение – посадить дочерей покойного брата Ивана на яхту, сунуть в каюту, запечатать там и возить по Финскому заливу до тех пор, пока девки не облюются... Когда яхта причаливала, а двери открывались, государю было очень весело. Весело было и остальным, кто терся близ царя.

А как дядюшка-государь орал и бил палкой, за то, что она не хотела возвращаться в Митаву, после смерти мужа! Синяки и шишки не сходили две недели, но Анна сумела

остаться в России почти на полгода. Целых полгода! При маменьке, в сытости и довольствии, когда не надо думать о завтрашнем дне, когда вокруг все такое родное и знакомое – деревянный дворец в Измайловском, теплая светлица в тереме, яблони в саду, смешные уродцы, смешившие своими ужимками.

А деньги нужны. Вон, последнее платье покупала с полгода тому назад, а в долг шить не станут. У-у, немчура проклятая! Все бы им деньги, да деньги...

А Эрнст Иоганн – ее Эрнестушка, уже давно мечтает об ольденбургском жеребце. Говорил, что сия порода выведена недавно в Нижней Саксонии и, если скрестить ее с местными лошаками, а еще лучше – с татарскими, то можно получить отличных коней, годных хоть под седло, хоть под упряжь. За время, проведенное с Эрнстом, Анна и сама начала разбираться в породах лошадей. Знала, чем арабский жеребец отличается от фризского, почему у коней засекаются ноги. Когда же была хорошая погода, Анна сама выезжала вместе с любовником. Она даже позволяла себе ездить не боком, в женском седле, а по-мужски. Правда, пришлось пожертвовать старым платьем, разрезав у него подол и поддевать мужские штаны, чтобы седло не натирало задницу.

Повернувшись в постели, герцогиня привычно пощупала место рядом с собой и, также привычно отметила, что оно уже давным-давно остыло. Анна вздохнула. За все время, что Эрнст Иоганн был ее любовником, он ни разу не проснулся рядом с ней. И тогда, когда делил вдовствующую герцогиню с посланником Бестужевым и последние три года, когда стал единственным фаворитом. Как бы то ни было, но еще до рассвета он возвращался к своей худосочной и плоской супруге. Анна бы дорого дала, хоть раз обнаружить на соседней подушке родные черные волосы, непокорные, как конская грива, но не сетовала. Более того, супруга Эрнста Иоганна, фрейлина ее двора Бенигме Готлибе была ее единственной подругой. Бенигме Готлибе терпеливо переносила измены мужа. Настолько терпеливо, что фрау фон Бюрен в прошлом году вместе с Анной провела несколько месяцев на отдаленной мызе, чтобы по возвращению представить своим друзьям и родственникам – вечно пьяным остзейским баронам, очередного отпрыска фон Бюренов – младенца Карла Эрнста.

При мысли о баронах – толстопуzych пожирателях свиных колбасок и капусты, герцогиня поморщилась. Они настолько глупы, что за двадцать лет ее пребывания на престоле великих герцогов Курляндских, не соизволили выучить русский язык. Если бы не верный Эрнст Иоганн, ей было бы трудно общаться со своими подданными.

Анна немного понежилась в постели. Вылезать наружу, в холод, ужасно не хотелось, но напомнил о себе мочевого пузырь. Не надо было пить перед сном, но соленая салака была слишком вкусной.

Позевывая и почесываясь, великая герцогиня с трудом спустила ноги с высокой кровати и выбралась из-под балдахина. В спальне было не топлено – ни печки, ни даже камина. Стало так зябко, что плечи герцогини затряслись.

– Машка, – хриплым спросонок голосом каркнула герцогиня. – Мать твою...

– Бегу-бегу матушка-государыня, – отозвалась девка, ночевавшая в стылой спальне, но безо всякого балдахина.

Машку, после слезливых писем и просьб, прислал дядюшка. Чем уж она ему так насолила, что вместо дальней деревни отправил девку в Курляндию, Анна не знала, да и знать не хотела. Спасибо дядюшке, что забесплатно! Лишних денег для покупки крепостных у нее не было, а местные девки-чухонки, взятые в прислуги, быстро заболели в холодных комнатах и помирали. Да и не понимали они по-русски ни бельмеса, хошь убей их.

Машка помогла Анне облачиться в теплый халат, натянула вязанные чулки и домашние тапки.

Герцогиня прокослапила к зеркалу – единственному подарку несостоявшегося жениха, графа Мориса Саксонского¹³. Откуда и денег-то взял? Приехал в Митаву нищевородом, с мечтой о герцогской короне. После того, как Светлейший князь Меншиков вытурил графа Мориса из Курляндии, тот попытался вернуть подарок обратно. Но кто же вернет дареное? А замуж-то ей хотелось так, что готова была выскочить за кого угодно. Сейчас-то уж поняла, что все, поздно. Ушли все ее сроки. На рожу ее никто не позарится, да и приданого нет.

Из помутневшего венецианского стекла на герцогиню смотрело привычное изображение – припухшая со сна физиономия немолодой (но еще не старой!) женщины, изрядно полной, с грубоватыми чертами лица и сальными волосами. И седина лезет – как ни закрашивай! Мешки под глазами... Правильно лекарь говорил, что нельзя много пить на ночь. Ну да ладно.

Анна знала, что она не красавица (Матушка с детства вдолбила, что она уродина, каких мало, а не то, что Катька или Прасковья.), но ей думалось, что будь она дома, выглядела бы лучше. В России, можно было ходить в баню хоть каждый день, распаривая лицо, изгоняя с него излишнюю брюзгливость, а волосы промывать в трех водах, да не щелоком, а настоящим мылом! А в Митаве этой, ни в бане помыться, ни толком вообще помыться нельзя. А будь тут баня, волосы стали бы такими, как в юности, мягкими да шелковистыми, а не то, что сейчас – пакля какая-то, что конский волос, из которого делают парики прижимистые остзейские бароны!

– Машка, еда-то готова? – подавляя зевок, спросила герцогиня.

– Готово, все готово, матушка, – затрещала девка.

– Ну, умываться давай.

Анна закатала рукава и подставила руки под струю воды. Соседи-бароны осуждали герцогиню за напрасный перевод воды, но она ничего не могла с собой поделать. Мыть в тазике руки, а потом, той же водой, умывать лицо, было противно. И, пушай, каждое умывание обходилось ей дороже на пфенниг в неделю, но бросить свои привычки не могла. Равно как и пользование дорогим мылом. Не французским, от которого хорошо пахло, но мылилось плохо, а мятным, сваренным где-то в Выксинской обители, на Шехони-реке. Из Выксы мыло доставлять дороже, нежели из Франции, но оно того стоило – после умывания кожа становилась гладкой и нежной, как попка у Карла Эрнста. Вспомнив о младенце, герцогиня вспомнила и о его отце.

– А господин камергер где? – зачем-то спросила она у девки, но та лишь повела плечами. Да и откуда Машка могла знать, где сейчас милый друг? Может, еще досыпает в спальне у супруги, а может, уже на конюшне, проверяет, как там его жеребцы и кобылы. Но на всякий случай, дернула девку за волосы, сказав неопределенно: – Дура набитая, ничего не знаешь!

Машка скусилась, скривила губы и, вроде бы, захлопала глазами, собираясь пустить слезу. Отвесив девке легонький подзатыльник, герцогиня опять зевнула:

– Будешь реветь, выпорю. Вели еду подавать.

Из спальни правительница Курляндии перешла в столовую залу – еще один каменный мешок, с каменным же полом, но зато с камином, в котором уже пылали дрова. Усаживаясь во главе длинного стола, спиной к огню (ох, хорошо-то как!), герцогиня вспомнила, что надобно и помолиться перед едой. Отец Петр, духовник, отчего-то не вышел к столу и, Анна позволила себе пробормотать скороговоркой «Отче наш», а потом опять плюхнулась в кресло.

Завтрак особо не радовал. Каша из каких-то зерен, пареная репа, да скудный кусок хлеба. Ни тебе грибов, ни рыбы. Ах, да. Салака была, но она ее доела за ужином. Кажется, там еще что-то оставалось, но она вчера так наелась, что разрешила девкам доесть остатки. А Машка

¹³ Граф Морис Саксонский, сын Августа II и Авроры Кенигсмарк. В 1726 году он был претендентом на руку и сердце вдовствующей герцогини Анны, а заодно и на роль герцога Курляндии. Александр Данилыч Меншиков, бывший в ту пору истинным правителем России, сам был не прочь украсить свой герб герцогской короной и, потому, не позволил Морису стать ни мужем Анны, ни герцогом. Но попытка Меншикова стать владельцем Курляндии натолкнулась на мощное сопротивление европейских стран. В результате, Анна осталась в положении вдовы, а Александр Данилыч не получил герцогства.

с Дуськой и карлицей Дунькой были и рады. Не подумали, дуры набитые, что ей сегодня снова захочется есть? А теперь вот, опять посылать кого-нить на рынок, чтобы купить рыбы. Ох уж эта рыба... Сейчас бы что-нибудь повкуснее. Свиные ребрышки, жареную курочку. Но нельзя! Герцогиня позавидовала немцам – у них Великий пост кончился несколько дней назад – и принялась за еду.

Не успела доесть кашу, как в залу вошел Эрнст Иоган – бодрый, успевший пропахнуть лошадиным потом. Верно, скакал где-то ни свет ни заря. Отмахнувшись от завтрака, фон Бюрен легонько прикоснулся к шее правительницы губами, подошел к камину и принялся греть озябшие руки. Ей даже захотелось встать и отогреть любимого своим дыханием, но для этого нужно было вставать с места.

Доедая кашу, Анна выворачивала голову набок и любовалась Эрнестушкой – как он стоит у камина, оттопырив зад, как сосредоточенно вертит ладонями перед огнем, встряхивает их, словно пытаясь вытрясти холод. Вот так он как-то стоял над трупом поверженного им волка и стряхивал капли крови! Это было в прошлом году, когда Анна гостила в России. Разумеется, юный император пригласил на охоту двоюродную тетку, вместе с фон Бюреном и фрейлинами. Фрейлины, проскакав по лесу пару верст, устали и вернулись к биваку, но Анна и фон Бюрен были неутомимы. Кажется, в этот день они были самыми лучшими охотниками. Эрнст Иоганн, потому что действительно любил скачку и охоту, а Анна, чтобы быть рядом с ним. На самом деле, хотя Анне и нравилось стрелять по живым мишеням, но сама охота ей была не очень-то по душе. Зачем венценосному племяннику, юному царю куда-то скакать, за кем-то гнаться? У царя сотни слуг, десятки егерей. Достаточно приказать, как во двор Лефортовского дворца загонят стадо оленей или стаю волков. Наловят живых кабанов, вытащат из нор лисиц, подрежут крылья уткам. Можно бы еще привязать на веревочки перепелов. А царю, только и останется, что получать удовольствие – нажимать на спусковой крючок, меняя мушкеты!

Эрнст Иоганн, увлекшийся скачкой, отстал лишь от государя, но легко опередил его фаворита, отчего Иван Долгоруков скрежетал зубами. За день было застрелено два десятка оленей, затравлено с десятков волков.

Одного из оленей Анна подстрелила собственноручно. Подстрелила, но не до смерти. Она лихорадочно перезаряжала мушкет, как Эрнст Иоганн, выхватив нож, прыгнул с коня и добил зверя. Потом он долго стряхивал с ладоней липкую кровь и был прекрасен, как языческий бог.

Храбрость остзейца вызвала аплодисменты кавалеров и дам. Анна, любовавшаяся Эрнестушкой, едва не пропустила взгляд, коим фон Бюрена смерила постоянная спутница Петра – цесаревна Елизавета Петровна. Взгляд был оценивающим. Потом, дочь Петра что-то сказала по-французски – а ведь знала, зараза, что Анна языков чужих не ведаёт – и все засмеялись! Засмеялись, как когда-то смеялись прихлебатели дядюшки-государя над маленькими дочками больного царя Ивана, когда их вытаскивали из каюты.

При мысли о Елизавете Петровне – Лизке, герцогиню окатило холодной ненавистью. Молодая, на шестнадцать лет моложе ее, красивая, купается в деньгах. Ей с самого детства все подносили на блюдечке. Лизке не нужно было выходить замуж за немецкого герцога, не способного ни на что, кроме пьянки. Даже первую брачную ночь герцог Курляндский сумел испортить – всю ночь пытался выполнить супружеские обязанности, да так и не смог. Кряхтел, стонал, а под конец упал с кровати и заснул. Спасибо нянюшке, притащившей цыпленка с отрубленной головой, а не то пришлось бы царской дочке пережить позор, в коем она была неповинна! Зато – как был приятно удивлен немолодой уже Петр Михайлович Бестужев-Рюмин, определенный Петром Великим в гофмейстеры курляндской герцогини!

Лизке повезло родиться у здорового царя. Верно, после смерти племянника, быть ей русской царицей. А если царицей станет Лизка, то будет ли она выплачивать сверх тех жалких

пятидесяти тысяч талеров, положенных герцогине Курляндской от русской казны по брачному договору?

Анна призадумалась. Наслышана, что Елизавета – девка не жадная. Кобелям своим дарит золотые угорские сотнями, а то и тышшами А может, коли Лизку выберут царицей, послать к ней Эрнестушку за деньгами? Конечно, не ровен час, решит сестрица оставить его при себе, но в Митаве у него законная супруга и трое детей! Вернется, никуда не денется.

Отогревшись, Эрнст Иоганн сел на свое место, по правую руку от герцогини. Посмотрев на стол, слегка скривил губу и взмахнул густыми бровями. Анна, без слов поняв его желание, что он ищет, прошипела лакею:

– Вино тащи!

Сама герцогиня почти не пила. Пиво, обожаемое немчурой, терпеть не могла – от него только голова болит, да в нужник тянет. В праздник, когда много гостей, произносящих тосты, могла выпить бокал вина, растягивая его на мелкие глоточки. На охоте, уж коли совсем худо, могла выпить малюсенькую рюмку водки или киршвассере. Еще, Анна терпеть не могла пьяных. Насмотрелась на дядюшку-государя Петра Алексеевича, всегда пребывавшего под хмельком, на его вечно пьяную свиту. Заслуженные генералы, молодые гвардейские офицеры, старая аристократия и молодая знать надирались так, что валялись в грязи вместе со свиньями и лаяли на собак. То, что все мужики, в сущности, одинаковы, а немцы пили не меньше русских, она знала еще в России. Смерть юного мужа от чрезмерных возлияний, лишь подтверждала ее слова. И тут, в Курляндии, обычным занятием баронов было ездить в гости друг к другу и надираться пивом, смешивая его со шнапсом собственного приготовления.

Эрнст Иоганн был не хуже и не лучше других. «Добрые» люди говаривали, что Бюрен, как и прочие остзейские дворяне напивался, бил жену (Анне приходилось смириться с тем, что ее фрейлина приходит с синяками!), дрался с родными братьями и гнусавым голосом пел песни, совершенно незнакомые Анне. Но что ценно – будучи пьяным, Эрнст Иоганн не показывался на глаза герцогине.

Фон Бюрен не стал дожидаться, пока лакей нальет ему вино, вырвал из его рук бутылку и нацедил себе полный бокал. Задрал голову вверх, начал пить мощными глотками, словно лошадь.

– Как дети? – поинтересовалась Анна, подождав, пока Эрнст Иоганн допьет.

– Петр зегодня ходил зо мной на конюшня, – сказал Эрнст Иоганн, с долей отцовской гордости. – Он уже может зидеть на рыжей мерин.

Фон Бюрен говорил по-русски неплохо, хотя ему не давалась буква «с» в открытом слоге. Впрочем, клятая «с» давалась немногим. Разве что, Остерману, разговаривавшему по-русски как московский купец.

– Твой сын будет таким же молодцом, как и ты, – улыбнулась Анна. – Объездит всех лошадей. – Подумав, улыбнулась: – А заодно и всех девок.

Довольный Эрнст Иоганн заржал, выставя крупные и желтые – как у жеребца – зубы. Выпив еще вина, вздохнул:

– Бенигна Готлиба прозила передать, что у кормилицы нет достаточного количества молока.

– Как так? – удивилась Анна.

– О, майн киндер отличает завидным аппетитом! Выдаивает обе груди насухо, как маленький пфэрт – жеребенок! – снова заржал фон Бюрен. – Девка жалобилась, что кормит лишь Карла Эрнста, а на ее Яниса молока не хватает. Но скоро молока не будет хватать и на одного.

Анна для приличия улыбнулась, но опечалилась. Стало быть, искать новую кормилицу. Среди дворовых девок кормящих матерей нет. Стало быть, придется нанимать кого-то из немок или чухонску. У-у, коровы! Опять деньги! Но ради Карлушки ничего не жаль.

– Скажи Бенигне, что я велела поискать новую мамку. Или, пускай будут две. Денег дам. Анна уже приготовилась идти в спальню, за сундучком, но Эрнст Иоганн остановил ее.

– Не надо денги, ни хт денги, – замотал головой. – Я уже отдал Бенигне Готлибе два талер. Этого хватит.

– А где ты деньги взял? – удивилась Анна. – Мы ж, милый друг, вчера с тобой о том говорили. Ты сказал, что нету у тебя денег, надобно занять у кого.

– Я был зегодня у герр фон Бракеля, – пояснил Бюрен. – Он дал мне в долг тысячу талероф.

– Тысячу?! – недоверчиво протянула герцогиня Курляндская.

– Йа, йа, тысячу талероф. Я уже распорядился оплатить все долги, – бодро продолжил Эрнст Иоганн. – Также велел отправить человека к портному. Шмультель явится к вечеру, за меркой.

– Милый, когда же ты все успеваешь? – сказала Анна, пытаясь придать голосу нежность. Получилось плохо, но Эрнсту Иоганну было приятно.

– Я рано встал нынче, – туманно пояснил фаворит, не желая уточнять, что на дворе уже давным-давно белый день, а пока Анна спала, все добрые люди успели переделать множество дел.

– А что это на Бракеля-то нашло? – поинтересовалась герцогиня. – Он, что, с похмелья был, али как? Пансион из Москвы токмо в апреле придет. Ему ж, месяц отдачи ждать.

Лифляндский дворянин фон Бракель уже не раз ссужал и ее и Эрнста Иоганна деньгами. Обычно, сумма не превышала две сотни талероф. А что такое две сотни талероф? Так, нелепица. Правда, в России посадская семья живет на три рубля в месяц, почти те же три талера, но зачем мужикам деньги? Хлеб с квасом едят, луком закусывают, а что им еще-то нужно? Чай, дорогие платья покупать не нужно – холстом с рогозой обойдутся, дров сами нарубят и воды наносят.

В отличие от прочих баронов, фон Бракель давал деньги без процентов. Правда, взамен, Анна давала рекомендательные письма для его многочисленных родственников и знакомым, коих нужно было пристраивать в гвардию или на какую-нибудь мелкую должность при дворе. Анна ненавидела писанину, а Бюрен не умел по-русски ни читать, ни писать. Посему, фон Бракель приносил уже готовое письмо, а герцогиня лишь бегло просматривала текст (а то и вовсе не читала) и ставила подпись.

Интересно, что хочет немец за тысячу? Верно, протолкнуть кого-то из племянников в унтер-офицеры, минуя службу в нижних чинах? Удастся ли? Родной дядюшка по матери, генерал, но присвоить гвардейцу унтер-офицерское звание может лишь государь. Что, новой царице Лизке кланяться придется?

– Майн либер Анна, мое высочество, – начал он, взяв ее руку в свою. – У меня иметь для вас новость. Фон Бракель был на Москоу, он прибыл оттуда только утром.

– Какие новости? – вскинулась герцогиня, жадная до всяких слухов и сплетен. – Как там, Палашка-то, не понесла от своего генерала?

Анна слегка завидовала младшей сестре, худосочной Палашке, имевшей мужа. За последние годы сестрица раз пять была в тягости, но разрешалась до срока. Но камергер повел разговор о другом:

– Из Москоу ни хт выезда и въезда. Фон Бракель давать два рубль караульный, чтобы его выпустить из город. Верховный тайный совет не мошет решать – кто исть э-э ... кто бутет новый русский царь.

– Так кто будет? – хмыкнула Анна, прекрасно знавшая всех претендентов на русский престол. – Кто-то из семени дядюшки мово, императора покойного. Либо, сынок малолетний сестрички Анны, либо – Лизка...

Фон Бюрен замотал париком, ровно лошадь гривой.

– Ни хт зынок Анны, ни хт принцесса Элизабет.

– А кто же тогда? – спросила Анна, пытаясь вспомнить – нет ли еще кого, среди ее дворянчиков. Может, какой-нить выблядок государев? Мало ли, с кем Петр Алексеевич шашни крутил, когда в Голландии да в Англии шлялся. Верно, не одной девке кабацкой подол задрал. Или, нашелся в Римской империи бастард невинно убиенного царевича Алексея?

– Фон Бракедь имеет секретный разговор с бароном Остерманом. Хер Остерман зообщил ему, что Тайный совет имеет намерение предложить престол вам, майн либер фрау!

– Мне? Престол? – опешила правительница. – А на кой он мне, престол-то этот?

От изумления фон Бюрен едва не откусил край бокала. Ладони, не ведавшие перчаток, сжались в кулаки. Камергер засопел, нижняя челюсть отвисла, а лицо стало наливаться красным, словно он без меры выпил пива.

Анна не любила видеть фаворита в таком состоянии. Еще немного и он начнет орать и брызгать слюной. Правда, на нее самую он еще ни разу голоса не повышал, но приходилось видеть, как Эрнестушка кричит на жену или слуг.

Эрнст Иоганн вовремя взял себя в руки. Видимо, понял, что его любовница, это не Бенигна Готлиба.

– Анна, вам следует хорошенько подумать, прежде чем отказываться, – начал фон Бюрен. – Русский престол – это есть власть, деньги. Императорская корона украсит вашу голову. Подумайте!

– Я подумаю, – непривычно кротко ответила Анна, уставясь в солонку, которую слуги не удосуживались убрать со стола. Переведя взор на Эрнста Иоганна, вздохнула: – Я, друг мой сердечный, не девочка уже. Престол русский мне еще никто не предлагал. Мало ли, что на Москве болтают. Помнишь, болтали, что первую жену Петра Алексеевича из монастыря вытащат, да на трон посадят? Кто же фон Бракену правду-то скажет? Кто он такой-то? Дворянщина мелкий, худородный. Никто из сильных людей с ним даже и разговаривать не станет.

– Анна, я же тебе говорил, что фон Бракен имел долгий беседа с вице-канцлером Остерманом...

– Эрнестушка, – перебила герцогиня своего фаворита, чего раньше никогда не позволяла себе. – Остермана, Андрея Иваныча, я с молодых ногтей знаю. Еще до того, как он бароном и вице-канцлером стал. Братец его старший, нашим учителем был. Частенько он к братцу своему – паразиту безносому, в гости захаживал. Андрей Иваныч, умный человек, кто бы спорил... Голова у него – Дума боярская, как в старину бы сказали. Конечно, – поправились Анна, – Андрей Иванович мне много добра сделал. Токмо, он наврет – недорого возьмет. Нельзя ему верить. Александра Данилыча-то, князя светлейшего, кто подсел? Он, Остерман! А Данилыч-то, – хохотнула герцогиня, – Андрея Иваныча вернейшим человеком считал, за себя оставлял. И шмякнулся князь в грязь! Хотя, – хмыкнула герцогиня, вспоминая обиды, причиненные Меншиковым, – поделом ему, пирожнику! Взял, Андрей Иваныч, да слух и пустил, что меня на царство позовут.

– Анна, такие вэши не есть шутка, – сказал обескураженный фон Бюрен. – Зачем вице-канцлеру лгать? Если вы хотите, я зейчас же привезу фон Бракена, чтобы он видерхолен ... – запнулся фон Бюрен, от волнения забывая русский язык, но тотчас же нашелся, – пофторял... пофторил взё услышанное.

– Господь с тобой, Эрнестушка, – примирительно сказала Анна. – Верю я тебе, что ты, дурачок мой родной! Только, ты меня тоже пойми. Я же, хоть и не умная, но не совсем дура. Рано еще прожекты-то строить. Вот, ежели, приедет кто из сильных людей, да скажет – мол, приходи, Анна Ивановна, да царствуй, тогда и будем думать, а щас-то чего голову ломать? Не волнуйся ты так. Сходи лучше, винца выпей.

Герцогиня Курляндская встала, потрепала по щеке своего фаворита и вышла. Фон Бюрен, вскочил, было, чтобы следовать за ней, но передумал. Пусть побудет одна.

Любимой залой для Анны была маленькая «дамская» комната, где в течение нескольких столетий супругам герцогов Курляндских было положено заниматься рукоделием. Нынешняя герцогиня рукоделие невзлюбила с детства, когда старица Алена – большая рукоделица, проживавшая при маменьке в Измайловском, учила царских девок золотому шитью. Если у Палашки получалось неплохо, а Катька вышила такие ризы, что игумен Андриан ахнул от радости, то у Аньки был сплошной разор – перевод дорогих ниток и испорченный шелк.

Анна Ивановна любила «дамскую» комнату, потому что тут было тепло. Еще стараниями Бестужева-Рюмина была сложена голландская печка, вместо опостылевшего камина. Тут же стояло глубокое мягкое кресло, где можно дремать.

Герцогиня Курляндская любила думать. Она всегда сама решала – что будет приготовлено на праздничный обед, какие ткани купить на платье и сколько это будет стоить. Часто приходилось размышлять о том – кому из родственников или сильных людей послать письмо, чтобы замолвили перед царем (царицей) словечко за бедную сиротку, сидевшую без денег.

Теперь же предстояла нелегкая задача – обдумать то, что она услышала. Срываться с места и ехать в Москву, поверив невнятному слуху, она, конечно же, не собиралась. Анна, за двадцать лет пребывания в Митаве, бывала в России нечасто, а новости черпала из слухов и сплетен. Но все-таки, собирая слухи как курочка – по крохам и по зернышку, понимала, что разговор о ее приглашении на престол – не досужий вымысел. Конечно, верить Андрею Ивановичу Остерману нельзя. Будет тебе улыбаться в лицо, а за спиной предаст. А кто не врет да не обманывает? Дело-то такое, житейское. Она и сама, грешным делом, могла предать, не испытывая угрызений совести¹⁴.

Остерман, конечно же, много хорошего сделал. На письма откликался, помогал с деньгами (не свои, конечно же давал, а казенные помогал получать). Токмо, был же у него для этого какой-то интерес? Остерман, жук хитрый, запросто так ничего не сделает. А если он сговорился с Лизкой? Решили пропихнуть Лизку в императрицы, а на всякий случай избавиться от соперников. А кто там, соперники-то у Лизки-Елизаветы? Сестрица Аннушка померла недавно, а сынок ейный – малой еще. Стало быть, соперницами Елизаветы они станут, дщери Ивана. Обе сестрицы – старшая, Катенька и младшая, Прасковья, в Москве живут. Ежели, что – схватить да в монастырь заточить, сложностей нету. А вот ее из Курляндии вытащить гораздо труднее. Это же надо солдат посылать, арестовывать. Тут же, куда как проще. Ключет Аннушка-дурочка на посыл, явится в Москву, а там только ее и ждали. Бац – и будет она, как тетушка Софья или тетка Авдотья в монастыре свой век доживать. А в монастырь-то, ой, как не хочется. Мыло на Выксе варить или в Горицах крестиком вышивать? Нет уж.

С другой стороны, Андрей Иванович – лиса хитрая. Мог он, правду узнав, на ушко о том фон Брюкену шепнуть. Сядет герцогиня Курляндская на русский престол – будет за то вице-канцлер сыт и пьян, не сядет, ну так и что ж? Он тут вроде как и не при чём. А ежели, барон Остерман не соврал, то какой ей профит в Москву ехать? Конечно же, русской царицей стать, было б неплохо. И деньги не надобно кланчить, словно погорелице и жизнь можно такую завести, как при маменьке было. Вот, только, как государством-то править? Это же, нужно каждый божий день челобитные читать, с посланниками да своими министрами встречаться, да на заседаниях разных сидеть! Придут да спрашивать будут – как то сделать, да как это сотворить? А что она отвечать-то станет? А коли и станет, так кажый раз отвечать, дак это ж, рехнуться можно! Но тетушка-то, Екатерина, супруга Петра Алексеевича, не больно-то голову ломала, как страной править. Все больше по балам да по пирушкам раскатывала, отчего и умерла. Да и племянник двоюродный, Петруша, Царствие ему Небесное, вместо учебы да дел государ-

¹⁴ Так, в 1728 году Анна написала слезную жалобу императору Петру II на своего бывшего любовника Бестужева-Рюмина, обвиняя того в расхищении ее имущества. В результате, бывший гоф-мейстер попал под следствие, а стараниями того же Остермана герцогине было отправлено свыше 10 тысяч рублей в качестве компенсации.

ственных на охоту ездил, да с Ванькой Долгоруковым вино хлестал. А она-то, что, совсем дура, чтобы мозги себе делами сушить? Есть умные люди, пускай они и думают. При тетушке Екатерине, Александр Данилыч да Головкин с Ягужинским старались, а при Петре – Остерман да Долгоруковы. А у нее, есть милый друг Эрнестушка. Он, головастый, недаром в университетах учился. Вот, пусть он за нее и думает. Только, как же он один-то будет думать? Значит, понадобятся Эрнестушке помощники. Братьев у него целых двое. А кто еще? Ну, Остерман, куда же без него-то? Да и из русских фамилий люди нужны будут. Конечно, не Долгоруковы с Голицыными, но и без них рюриковичей-гедеминовичей хватает. Свистни, мигом прибегут. Токмо, рожи будут кривить, узнав, что худородный шляхтич ими управляет. Ну да ничё, покривят, да перестанут. А нет, так на то Сибирь есть. Сибирь, говорят, большая, места на Рюриковичей хватит. А вот Эрнестушке, надобно какой-нибудь титул дать. Как же без титула-то? Ну, скажем, барон фон Бюрен. Или – граф. Только, не любят на Руси слово «фон», а просто Бюрен, как-то не звучит. Постой-постой. Кто-то из французов при дворе Екатерины, поинтересовался как-то, мол, фон Бюрон – не переделка ли на немецкий лад Бирона? Вроде, Бироны – древний род, едва ли не от самого Карла Великого. А Карл, он для французов, все равно, что Рюрик для нас.

Анна прикинула на слух – граф Эрнест Иоганн Бирон! Неплохо! А титул графский, Эрнестушке император римский выпишет.

От долгого размышления Анна устала. Смежила глаза, приготовившись отдохнуть. И тут, ее как резануло – а коли дел будет оч-чень много, как же она, Анна? И так приходится делить Эрнста Иоганна с его женой и конюшней. Теперь же, придется еще и с делами делить? Хотя, успокоила она себя, государственные дела могут и подождать, коли ей, русской царице, надобность какая в Эрнестушке случится, герцогиня Курляндская задремала.

Кажется, только-только закрыла глаза, а уже пора обедать. Или, ужинать? Зима, темень за окнами. Где там Эрнестушка-то?

Эрнст Иоганн фон Бюрен, словно услышал ее мысли. Он предстал собранный и строгий, как полагается образцовому придворному. Но вместо того, чтобы подать высокопоставленной даме руку и проводить ее в столовую залу, камергер торжественно изрек:

– Ваше высочество! Его зиятельство, граф Лёвенвольде, прозит аудиенции.

– Лёвенвольде? – удивилась Анна. – Который?

– Рейнгольд Густав, – пояснил фон Бюрен. – Его отправил Карл Густав. Ваше высочество, дело не терпит отлагательств.

– Зови, – вздохнула герцогиня.

Ежели, Эрнестушка говорит ей «Ваше высочество», то дело-то и впрямь, безотлагательное. Тем паче, братья Лёвенвольде, попавшие в фавор при Екатерине и получившие от нее графский титул (злые языки поговаривали, что старший, Карл Густав «попал в случай», сиречь, в постель императрицы еще при жизни государя Петра) были людьми нужными и важными. Конечно, по знатности и влиянию им с Долгоруковыми или с Голицыными было не тягаться, но люди были далеко не последние.

– Батюшки-светы! – всплеснула Анна руками, когда фон Бюрон ввел в зал невзрачного мужичка в поскотнем полушубке, растерзанной шапке и валенках – Граф, голубчик, ты что это, на маскарад нарядился?

– О, май гот! – приложив руку к сердцу, склонился в поклоне граф Рейнгольд Густав. – Я был вынужден надеть это крестьянское платье, чтобы не попасть в руки Долгоруковым.

– А что такое? – сделала удивленный вид герцогиня. – Али, на Москве нонча на немцев охоту объявили?

– Ваше величество! – торжественно изрек Лёвенвольде, бухаясь на оба колена. – Дозвольте, мне первому принести вам присягу на верность!

– Да я, вроде бы, царицей еще не стала, – слегка опешила Анна. – Чего мне присягу-то приносить? Да и как, голубчик, ты мне присягу-то принесешь, коли тут ни священника нашего, ни пастора нет? Встань, да расскажи толком.

– Нет, ваше величество, – настаивал Рейнгольд Густав, подползая к правительнице. – Я хочу быть первым, кто засвидетельствует вам уважение, как новой императрице.

Причем, граф, будучи таким же остзейским немцем, как и сам фон Бюрен, говорил по-русски не хуже Остермана.

Фон Бюрен, ревниво глянул на ползущего графа и встал на одно колено рядом с Анной. Герцогиня Курляндская, не глядя, протянула правую руку своему фавориту и, слегка зажмурилась от удовольствия. Вроде бы, ничего не сказано, но она-то знала, что ее первым подданным стал Эрнст Иоганн. Левую длань она вытянула по направлению Лёвенвольда. Граф, доползая-таки до правительницы, ухватил ее за кончики пальцем и принялся целовать руку с упоением – словно любовник, впервые дорвавшийся до груди возлюбленной.

– Ну, будет тебе, будет, – проворковала Анна, посматривая на графа с немалым удовольствием – ведь недавно, зараза такая, рожу кривил, когда она на Москву приезжала. Ведь, кто она такая была? Так, сирота курляндская, побирушка, постоянно кланчившая деньги у императрицы Екатерины, а кто он? – брат самого Карла Густава, аманата государыни-царицы.

Пожалуй, только сейчас Анна Ивановна задумалась, а чего бы ей не стать царицей? Хлопоты, конечно великие, но зато, как приятно, когда у тебя в ногах ползают сильные мира сего! А ведь этот немец – он так себе, мелочь. Но если будут ползать (А они будут ползать!) Долго-руковы с Трубецкими, Куракины с Голицыными, Вяземские с Волконскими – вот это и есть власть!

Рейнгольд Густав, перемежал поцелуи с заверениями полного почтения со стороны всего многочисленного семейства. Просил, чтобы государыня не забыла их в минуты славы. Мол, ничего им не нужно, а только быть рядом с престолом, верой и правдой служить!

Может, Анна Ивановна разрешила бы Рейнгольду еще немножко постоять на коленях, слюнявя ей руку, ровно теленок мочало, но больно уж кислый вид был у Эрнестушки. Улыбнулась ему краешком рта – мол, что ты, глупенький?! Тебя, милого друга я ни на кого не променяю. Был ты со мной в нищете, будешь и в сытости. Да и Рейнгольду пора разъяснить – что к чему.

– Господин граф, разъяснил бы мне, что за казус с тобой? Отчего это ты в рубище-то мужицком?

Лёвенвольде, встав-таки с колен, прижал руку к сердцу – ну, ровно французский кавалер – и начал речь:

– Ваше величество! Моему брату стало известно, что Верховный тайный совет решил загладить несправедливость, нанесенную вашему дому. Дому – потомков государя нашего Иоанна Пятого, – уточнил он. – Вы должны были стать наследницей престола после смерти государя нашего, Петра Первого, но злокозненные силы вырвали из ваших рук престол.

Анне Ивановне хотелось сказать – ты, мол, граф, ври, да не завирайся, но Лёвенвольде говорил так гладко, что она сама поверила, что все так оно и есть. А Рейнгольд Густав, меж тем, заливался соловьем:

– Вы, Ваше величество, наследница старшей линии, линии государя Иоанна Алексеевича, старшего брата Петра. Именно вам и надлежало быть русской царицей. Но бесчестный князь Меншиков силой захватил власть и заставил всех присягнуть узурпаторше.

Эрнст Иоганн закашлялся. Верно, хотел сказать какое-нибудь крепкое словечко, насчет «узурпаторши», от которой братья Лёвенвольде получили графский диплом и сотни десятин земли с крестьянами, не считая денег, но смолчал. Ждал, что Рейнгольд скажет дальше. А тот сказал. – Ваше величество! – продолжил свою речь граф. – Верховный тайный совет, решив устранить несправедливость, тем не менее, хочет вас обмануть. Мой брат, и я, узнав о неспра-

ведливости, решили оповестить вас о том. Но на дорогах уже посланы караулы, чтобы избежать преждевременной огласки. Люди Долгоруковых стоят по всем трактам. Мне пришлось скакать день и ночь в простом платье.

Лёвенвольде затих, приподнял подбородок и сделал значимую физиономию.

– Что-то я тебя не поняла, граф, – озадаченно сказала Анна. – Ежели, они хотят меня на трон звать, так в чем тут обман, да несправедливость?

Выдержав паузу, словно провинциальный актер, играющий Гамлета, граф сказал:

– А все дело в том, Ваше величество, что они позовут вас на трон, на тех условиях, которые им удобны!

– Это как? – не поняла Анна. – Какие условия могут быть для государя? Ну, – поправились она, – для государыни. Чай, царь Всея Руси – помазанник Божий. Он только пред Богом ответ держит.

– Верховный тайный совет согласен отдать вам престол, если вы подпишите Кондиции – то есть, соглашения! Вы подпишете условия, на которых вам придется править. Ежели, вы эти условия нарушите, то Верховный тайный совет вправе прогнать вас с престола.

– Это что получается, – раздумчиво протянула Анна, – они царицу на престол садят, с условиями, ровно приказчика какого?

– Господин граф, – вмешался в разговор фон Бюрен. – А нельзя ли ознакомить э-э государыню с этими кондициями?

«Умница! – умилилась Анна, услышав от фаворита осторожное – «государыня», вместо императорского титулования. – Не называет меня величеством. Этак-вот, назови, по оплошке, а потом на дыбу! А герцогиня – это тоже государыня, не придерешься!»

Лёвенвольде, задрав подбородок еще выше, взмахнул рукой («Ну, ровно скоморох на конской ярмарке!» – подумала Анна.), вытащил откуда-то бумагу и протянул герцогине, но та, помотав головой, сказала:

– Вы уж, дорогой граф, сами прочтите.

– Понеже по воле всемогущего Бога и по общему желанию российского народа ... – начал Лёвенвольде, но был остановлен фон Бюроном. Эрнст Иоганн, уловив толику скуки в глазах повелительницы, предложил:

– Герр Рейнгольд Густав, будьте добры – изложите лишь самую суть!

– Яволь! – четко отрапортовал граф (Он был умным человеком и понимал, кто теперь главный!) и принялся излагать суть документа: – По приятии короны российской, в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника, ни при себе, ни по себе никого не определять. Еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит; того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного Верховного тайного совета согласия: во-первых, ни с кем войны не всчинять; во-вторых, миру не заключать; в-третьих – верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать; в-четвертых – в знатные чины, как в статские, так и в военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета; в-пятых – у шляхетства живота и имени и чести без суда не отымать; в-шестых – вотчины и деревни не жаловать; в-седьмых – в придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного тайного совета не производить; в-восьмых – государственные доходы в расход не употреблять – и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню, то лишена буду короны российской.

Анна, хотя это и было для нее весьма утомительно, внимательно слушала. Когда Левенвольде заплетающимся языком перечислил фамилии подписавших документ, герцогиня тяжело вздохнула, а фон Бюрон, по-русски сообщил, где он хотел видеть всех «верховников», вместе с их мамушками, дедушками и ... лошадьми.

– Стало быть, хотят они, чтобы я царствовала, но не правила, – сделала вывод Анна, пока еще герцогиня Курляндская. Подумав немного, спросила: – Господин граф, а бумаженцию-то вам эту кто дал? Уж не барон ли Остерман?

– Это черновой набросок документа, – сообщил граф, слегка задетый пренебрежительным словом «бумаженция». Это что же получается, что он тайно – в подлом обличье – вез какую-то «бумаженцию»?! – **Набросок** (выделил он), раздобыл мой брат в доме государственного канцлера, графа Головкина. А уж от кого он получен, мне неизвестно. Кажется, – наморщил лоб Лёвенвольде, – от кого-то из канцеляристов.

Анна и фон Бюрон улыбнулись друг другу. Из восьми «верховников» уже двое сообщают им о своей же собственной затее. Стало быть, в самой-то «восьмибоярщине» не все так гладко.

– Я обогнал депутацию, – сообщил граф. – Думаю, завтра утром к вам придут официальные представители Верховного тайного совета и будут приглашать вас на престол.

– Спасибо тебе, господин граф – кивнула герцогиня. – Коли, все так, как ты сказал, не забуду...

Довольный Лёвенвольде ослабился, опять присосался пиявкой к руке герцогини и, пятясь задом, вышел из залы.

Когда Анна и Эрнст Иоганн остались вдвоем, фон Бюрн, посмотрел на свою госпожу и загадочно изрек:

– Praemonitus praemunitus!

– Это по-каковски? – поинтересовалась Анна. Хотя и не знала никаких языков, кроме родного, но звучание было знакомым. Слышала такую фразу. Не помнила лишь, от кого. Не то – от Бестужева, не то – от самого государя-батюшки.

– Предупрежден, следовательно – вооружен, – перевел бывший студент Кенигсбергского университета.

– Едут, стало быть, меня на трон звать и условия ставят, – задумчиво проговорила герцогиня Курляндская. – Как и быть-то, а? Что присоветуешь, господин камергер?

– Соглашаться! – не задумываясь, сообщил Эрнст Иоганн. – Подписывать все, что дадут.

– Вот и я так думаю, – кивнула Анна. – Как ни крути, а на Москве жить все равно богаче будет, чем тут. Подпишу. Ну, а уж там, как Бог даст.

Глава третья

Явление царицы

Февраль 1730 г. Курляндия – Москва

– Царицу везут!

– Везу-уут!

Слухи по Руси расходятся быстро! И, никому неведомо – откуда они берутся? И откуда всегда все и всё знают? Вроде бы, старались держать в тайне, ан, нет. Пока по Курляндии двигались – куда ни шло. Никто не сбегался и не глазел. Только один раз какой-то нетрезвый барон, экономии ради, самолично правивший лошадьё, не пожелал уступить дорогу и был жестоко наказан – гвардейцы, ведомые генералом Леонтьевым, мигом вытряхнули несчастного из кибитки, раздели до исподнего, да бросили в неглубокий снег. Пушай немчура охолонет – впредь неповадно будет!

Но когда поезд будущей русской императрицы отъехал от границы Курляндии и до самого Пскова, а потом – до Новгорода, вся дорога была облеплена народом. Хотя и смотреть-то не на что – пара карет, поставленных на санные полозья, с десятков возков, где ютились слуги и кое-какое добро Анны Ивановны (слезы, а не добро, нажитое герцогиней за двадцать лет!), да два десятка верховых.

В России, никто не осмеливался загородить дорогу. И мужики и благородные особы, завидев царский поезд, сворачивали – конными ли были или пешими, одинаково срывали шапки и валились в снег, показывая государыне рыжие и седые, черные и лысые головы. В селах приходилось ехать сквозь людской коридор, откуда то и дело орали:

– Царицу везут!

– Везут матушку-государыню!

А царицу действительно «везли». Около дворца ее кареты постоянно терся кто-то из верховых, особо приближенных к Долгоруковым. Василий Лукич – глава депутации, посланной приглашать герцогиню в царицы, был сосредоточен и строг. На остановках всегда подавал ручку, выводил из кареты и был предупредительно вежлив. Порой, даже приторно вежлив. Вот, только глазенки у старого дипломата бегали то туда, то сюда. То на государыню, то на гвардейцев. За все время дороги он не сводил глаз со своей подопечной, бдительно пресекая любой намек на разговоры герцогини с гвардейцами или со своими помощниками – Михаилом Михайлычем Голицыным (младшим) и генералом Леонтьевым. Спрашивается – чего тут секретность-то разводить? Ну, везут будущую государыню и везут себе. Стало быть, было чего скрывать?

Анна Ивановна ехала в одной карете с комнатной девкой Машкой, держа на коленях младенца Карла Эрнста – младшего сына Эрнста Иоганна. Рядом сидела кормилица – дородная чухонка со смешным именем Велта. Чухонку забрали перед отъездом, не дав ей и до дому сбегать. Вишь, ребенок там у нее! Первые дни она только ревела, взмахивая короткими и белесыми, как у коровы, ресницами. Анна Ивановна уже начала побаиваться – не пропало бы молоко, но обошлось. Поревела, да успокоилась. А что с нее взять? Корова чухонская, как есть корова!

Из-за кормилицы не хватило места для любимой карлицы, но на стоянках кто-нибудь из солдат непременно притаскивал Дуньку. Если бы не дурочка, с ее затейливыми ужимками, так и совсем бы худо.

Зачем она взяла с собой Карла Эрнста, герцогиня Курляндская и сама не могла ответить. Взяла и взяла. Может, думалось, что дитяtko спасет ее от чего-то жуткого? Закрыться младенцем? Только, спасет ли ребяtenок-то?

А вот милого друга, Эрнста Иоганн фон Бюрена оставила в Митаве. Помочь в Москве он бы ничем не смог, а вот ему бы пришлось худо. Не любят в России пришлых, особенно немцев, хотя и скрывают это. Эрнестушку принялись бы обижать не только русские, а свой же брат, немец. Их, со времен Петра Великого, толпилось у трона предостаточно. Престол царский – он все равно, что мамкина сиська для младенца. Знай, досуха дои. А подпускать к сиське чужого – хошь русского, хошь немца – никшни, самим места мало! Вот, станет она настоящей государыней, тогда уж будет где Эрнестушке развернуться. Тут не об одной породистой кобыленке можно подумать, а о настоящем конном заводе! А мало одного – два заведем... три, а хоть бы и десять! И пусть кто хоть словцо скажет поперек! Хошь Долгоруковы, хошь Голицыны. Навоз они пойдут убирать!

Ниче, мил-друг Эрнестушка, будет на Москве, рядом со мной. А пока пусть привыкает к новой фамилии – Бирон! Верно, стоит потом кого-нить во Францию заслать, чтобы с настоящими Биронами столкнуться? Ежели, дорожиться не станут, то можно им какую-никакую денежку заплатить, чтобы признали Карла фон Бюрена – истинным Бироном, младшей ветвью своего рода.

Зашевелился младенец Карл Эрнст, заерзал, засучил ножками так сильно, что герцогиня содрогнулась от удара, а потом басисто заревел. Не то – есть опять хочет, не то – в пеленки наложил.

– Нукося, возьми! – приказала царица Машке, передавая ребенка. – Глянь, чё там у него? Может, пеленки мокрые?

Пока Машка меняла пеленки, Анна выглянула в оконце, но торчало только плечо верхового. Идолы окаянные, эти гвардейцы!

– Царицу везут! – опять кто-то проорал.

Герцогиня Курляндская (титула ее никто не лишал) слегка скривилась. Царицам положено ездить открыто, ручкой людям махать, пряники печатные кидать. А тут, ровно арестантку какую. Везут, видите ли... Вот, была бы ее воля, везли бы шас самого князюшку Василия Лукича с семьей и всем Долгоруким отродьем куда подале. Надо подумать, куда их всех...

Думка о том, куда отправить Долгоруковых завлекла будущую государыню и она начала перебирать города, о которых помнила и что-то слышала. Имения Долгоруковых под Казанью и москвой отмела сразу – слишком близко, да чересчур шикарно! А куда еще? В Вологду, ежели, так слишком близко. На Соловки? Или в Березов, куда Алексашку Меншикова сослали? Где он, энтот Березов-то? Вроде бы, где-то в Сибири. Можно и туда. Александр Данилыч, кажись, в прошлом годе помер. Слышала, что и Мария Лександровна, дочка евонная – незадачливая невеста Петра тоже преставилась от горя и огорчений. Значит, сироток, оставшихся в живых, можно обратно вернуть. Скока их там осталось? Сынок – Сан Саныч, коего наградили тремя высшими орденами российской империи¹⁵ и дочка младшая, тож, Александра. Главного врага нет, а детки, как ни крути, Салтыковым родней будут. Супруга Меншикова, Дарья Михайловна – тоже покойница, из рода Арсеньевых. Кажись, ей четвероюродной сестрой приходится. Стало быть, Александр и Александра Меншиковы ей племянками доводятся. Можно и обратно возвратить. Титул Меншикову-младшему вернуть, а ордена да чины пушай по-новой добывает. А дом-то, который Алексашка, как говорят, своими руками срубил, пустым останется. Вот, будет Василий Лукич этот дом и обживать.

За стенкой кареты опять заорали: «Царицу везут!» и Анна Ивановна решила, что Березов – тоже недалеко. Видела она как-то в кабинете у дядюшки-государя огромный лист бумаги, изрисованный синими прожилками, да черными с серыми пятнами, ровно кошка нагадила –

¹⁵ Сын Александра Даниловича Меншикова – Александр Александрович был единственным мужчиной, награжденным орденом св. Екатерины – высшим женским орденом, а также орденами св. Андрея Первозванного и Александра неевского. после падения отца лишен всех наград.

карта называется. И города, хоть и не по-русски написаны, но прочитать можно. Верно, не стащил никто карту-то дядюшкину? Глянуть бы на нее, да ткнуть пальчиком, куда подале, где край Руси Великой. Там говорят лишь белые медведи рыбу ловят, да море-окиан ледяной. Вот, пущай туда и едет. А по дороге, с семейством Долгоруковых разные неприятности будут случаться. Скажем, отъедут они от Москвы со всеми дворовыми людишками, скарбом немалым, а через сотню верст – гонец к ним. Мол, людишек оставляй, не велено. Потом – снова через сотню вёрст, еще гонец – мол, имущество излишнее оставь. И так вот, еще разочков пять, пока не останутся князья-бояре в одних штанах, да пешими. Точь в точь, что маленький император Петр, по наущению Долгоруковых, с Меншиковым проделал. Правильно Петруша сделал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.